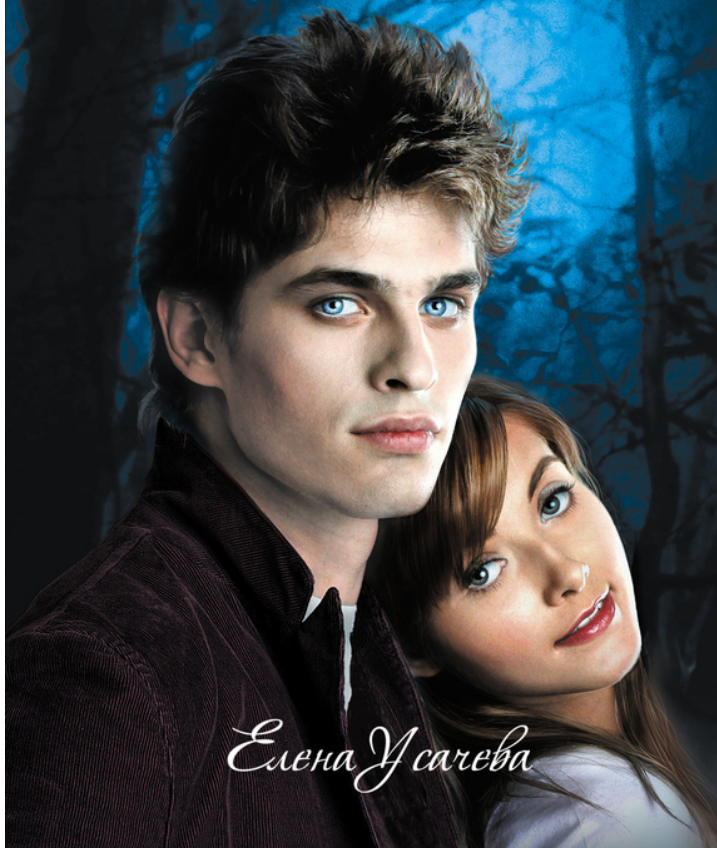

ПЛЕННИКИ СУМЕРЕК

ВЛЕЧЕНИЕ

Елена Усачева

Елена Александровна Усачева
Влечение
Серия «Влечение», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183331
Влечение : повесть: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-35747-5

Аннотация

Маша, как никто, чувствует темноту. Она ненавидит свою особенность и не знает, что это дар. Мистический и очень редкий. Дар, который однажды сведет ее с любимым. Сильным, стремительным, опасным и мучительно прекрасным вампиром. Ее страстью, ее страхом, ее жизнью. Но за любовь придется бороться, слишком многим она мешает... и не только людям...

Содержание

Глава I	5
Глава II	26
Глава III	49
Глава IV	78
Глава V	100
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Елена Усачева

Влечение

Не плюй против ветра.

Не стой на пути у высоких чувств.

А если встал – отойди!

Б. Гребенников

Бывают такие моменты, когда, сделав что-то, понимаешь, что вернуться обратно уже нельзя. Они называются «точка невозврата». Многие в жизни можно исправить – извиниться перед другом и начать жить, как будто ничего не было; извиниться перед любимым человеком и сделать так, чтобы об этой обиде никто не вспоминал, переписать контрольную, подклеить надколотую вазу, пришить оторванную пуговицу... Но иногда назад дороги нет. Ты шагаешь вперед, тем самым деля свою жизнь на «до» и «после», на прошедшее и будущее. Неизвестно, что нас ждет впереди. Загадывать на завтра – неблагодарное занятие. Но стоять на месте нельзя, надо непременно двигаться вперед. Чтобы глаголы будущего времени превращались в глаголы времени настоящего. И главное – не бояться своих поступков. Тех, что делят твою жизнь на две неравные части – большого счастья и короткого несчастья. Потому что период счастья, какой бы продолжительности он ни был, всегда больше периода не-счастья.

Глава I

Предчувствие

Под окном выла собака. Долго, раздражающе долго.

Я лежала, слушала ее вой, и в душу забиралась тоска. Она вливалась в меня тоненькой струйкой, заполняя собой все. Слезы я почувствовала, только когда соленая капелька скатилась по щеке.

Наверное, у той собаки случилось несчастье. Умер хозяин. Или скоро умрет. Ведь собаки воют к смерти? И почему я вдруг вспомнила про смерть... Нет, нет, не надо о смерти!

За окном ночь, за окном этот неприятный вой, и мне опять начинает казаться, что там, в темноте, что-то есть. Оно видит, оно чувствует меня и очень не хочет, чтобы я о нем знала. Поэтому пугает, насылает кошмары. Я их вижу почти каждую ночь. Лежу в кровати, боюсь пошевелиться. Ведь одно движение, и оно, то самое что-то, проявится. И я умру от страха. Опять про смерть...

С чего же все началось? Да, да, это было давно, очень давно. Мы с мамой зачем-то зашли в церковь. В дальнем углу стоял гроб. Как только я ухитрилась его заметить? Он был за колонной. Что-то толкнулось в груди, и я пошла в ту сторону. Священник бормотал молитву, вздыхала старушка. Я знала, что подходить не надо. Ни в коем случае нельзя подходить.

И все же подошла.

В гробу лежала девушка в длинном черном платье. В ней не было ничего особенного. Просто бледная, просто спит, синеватые губы напряжены. Все выглядело так, словно ее вот-вот что-то разбудит, она усмехнется, приоткроет глаза.

Я успела далеко убежать, мама меня еле поймала. Я не стала ничего ей говорить. Просто плакала.

Мне бы никто не поверил. Покойница действительно усмехнулась и приоткрыла глаза!

Собака за окном поперхнулась воем и через мгновение завелась по новой.

Пожалуй, надо встать. Нельзя лежать и плавиться в собственных страхах.

Тапки оказались неприятно холодными. Пришлось немного посидеть, подождать, пока они согреются, пока уйдут из тела неприятные мурашки.

Что же она, зараза, так воеет!

Форточку закрывать не хотелось, но если этого не сделать, я обречена слушать собачий концерт всю ночь. И еще эта покойница...

Врач объяснял мои страхи переходным возрастом. Я быстро расту, сердце не успевает качать кровь, кислорода мозгам не хватает, и они в отместку выдают кошмары. Но ведь уже столько лет прошло, а я все боюсь. Боюсь темноты, боюсь покойников, боюсь... Всего боюсь. Особенно смерти. Хотя смерти, наверное, боятся все.

Я прижалась лбом к стеклу.

Выйти бы сейчас на улицу и прогнать глупую псину. Пускай воем под другими окнами. В соседнем дворе она наверняка найдет благодарных слушателей...

Тень промелькнула перед глазами и упала вниз. Прежде чем свалиться на пол, я успела подумать, что это была сошедшая с ума ворона, решившая полетать ночью.

Хлопнула дверь подъезда. Собака взвизгнула и замолчала. Секунды тишины были восхитительными.

Ну вот, не одна я стала свидетелем собачьего концерта, у кого-то нервы сдали первыми.

Я хлопнула в ладоши. Ночник ожил, тьма шарахнулась по углам, притаилась, готовя новое наступление. Ничего, мы справимся.

Взбить подушку, встряхнуть одеяло, сейчас я непременно усну...

Светильник бросал неяркий свет на ворох учебников и тетрадок (никогда не умела собираться в школу заранее, вечно делаю это на бегу, в последний момент, словно испытываю судьбу – успею? нет? все возьму? что забуду?), пару музыкальных дисков (у кого я их взяла?), вечные мои листочки, закрытый ноутбук, в таком виде похожий на переевшего крокодила. Телевизор, книжные полки, стенной шкаф, мой диван – все тонуло в полумраке. Комната съежилась до размера письменного стола, освещенного лампой, смахивающей на удивленного удава.

Я бы тоже удивилась, если бы меня заставили работать в два часа ночи. Господи, уже два часа ночи! Если я не усну, то утром в школе буду никакая. Вот сейчас встану, открою форточку... А еще лучше схожу на кухню за шоколадкой, сладкое помогает заснуть...

Но стоило только представить, как я иду по темному коридору, прислушиваясь к каждому шороху, полная съедающего душу ожидания нападения со спины, как всякое желание пропадает.

Я, пожалуй, здесь посижу. Это как-то надежней. И открою форточку. Свежий воздух прогонит страхи.

Мне показалось или за окном мелькнуло чье-то лицо? Какой-то парень – темные волосы, глаза опущены. Слишком красив слишком правильной красотой.

Пока я соображала, грохнуться мне в обморок сразу или немного погодя, парень исчез. Как будто с той стороны к стеклу приложили картинку, а потом убрали ее.

Рассвет я встретила, сидя в углу, не в силах отвести глаз от окна. Как только на шторе появился красный отблеск зари, ночной страх начал уходить, и я заплакала. Просто потому что очень устала.

Как здорово, что солнышко в первую очередь заглядывает ко мне! Как здорово, что сегодня ясно, что небо не закрыто тучами! Как здорово, что после ночи всегда приходит утро!

От долгого сидения на полу затекли ноги, поэтому до кровати я добиралась на четвереньках. Не успела я коснуться

щекой подушки, как тут же уснула.

Разбудили меня автомобильные гудки. Утро! Солнце! Сразу захотелось улыбаться. Я потянулась, прогоняя неприятные воспоминания. Ночь прошла, можно жить дальше.

– Май! Смотри, что творится! – Мама стояла около окна, размешивала в стакане свою вечную болтушку и смотрела во двор.

Май – это от мая, от Майи, от любого другого похожего имени. Мама любила все экстравагантное, в том числе как-нибудь заковыристей переименовать мое имя. Потому что она хотела, чтобы ее дочь звали необычно. А папа записал меня просто – Марией. Моя мама, конечно, не смирилась. Нет, надо знать мою маму! Она никогда и ни перед чем не пасует. Она привыкла побеждать, поэтому Машей она меня не зовет, всегда придумывает что-то необычное. За что я ее люблю особенно.

Мама терпеть не может, когда я подхожу сзади и кладу на ее плечо подбородок. Она сразу начинает возмущаться, что ей неудобно. Но я все равно так делаю, потому что мне это нравится.

Какое странное утро... Я не выпалась, но мне хорошо. И мама меня не согнала со своего плеча. Так мы и глядели вместе во двор, поперек которого стоял огромный грузовик.

Если вы живете на первом этаже, то смотреть в окно обычное занятие. А с нашего двенадцатого этажа сколько ни изучай пейзаж, увидишь крыши, еще раз крыши да еще небо и

маленьких человечков на улице. Но тот грузовик большой. Даже нам было хорошо видно.

– Ты смотри, что делают! Ничего себе комодик!

Из грузовика двое рабочих выгружали вещи. Делали они это неторопливо.

– Будешь? – Мама повернула ко мне свой стакан. От резкого запаха масла в сочетании с чем-то еще, от вида взболтанного яйца мой желудок возмущенно заурчал.

– Ну, мама... – зажала я нос, сползая с ее плеча.

Моя мама уникам. Ей за сорок, а выглядит она не старше тридцати. И заметьте – никакой химии и подтяжек. Только здоровый образ жизни. По утрам энергетический коктейль собственного приготовления, на обед отруби с кефиром, на ужин – огуречная маска на лицо. Спортзал, бассейн, правильный режим, вечная улыбка. Иногда мне хочется быть на нее похожей. Но длится это недолго. Я не способна на подвиги с диетами и физкультурой. Мне хватает фехтования и верховой езды. По утрам же я люблю пить кофе, а не гоголь-моголь.

Я демонстративно громко поставила на стол чашку, щедро насыпала в нее две ложки коричневого порошка, залила кипятком, шлепнула на толстый кусок белого хлеба кружок вареной колбасы.

– Триста килокалорий, – прищурившись, оценила мой завтрак мама.

– Растущий организм.

Такие пикировки у нас были в норме.

– Я тебе сделала салат из морской капусты. Ламинария укрепляет ногти и волосы.

Я глянула на свои пальцы. Да, ногти у меня не самые лучшие, легко ломаются. А еще я их раньше грызла. Теперь нет. Волосы у меня секутся. Сильно. Из-за того, что я постоянно затягиваю их в хвост.

– Бессонные ночи над учебниками дают о себе знать.

Я отодвинула от себя бутерброд – с такими разговорами всякий аппетит пропадет. Сесть, что ли, на правильную диету? Стану неотразимой, и все парни нашего класса окажутся у моих ног. Я буду идти, а они станут складываться за мной штабелями.

– Не над учебниками, а за компьютером, – не отступала мама. Она у меня такая – если что-то решит, то добьется этого обязательно и уж салат с водорослями точно заставит меня съесть.

– Ладно, но с майонезом, – согласилась я и полезла в холодильник.

Чем мою маму можно убить окончательно, так это майонезом. Как хорошо, что у меня есть папа, который умеет ходить в магазин и покупать там правильные продукты, иначе на маминой диете мы бы давно превратились в невесомых эльфов.

Майонеза не было.

– Заправлю сметаной, – не сдалась я. Я ведь тоже упрямая.

– И на том спасибо, – вздохнула мама.

Через минуту она уже стояла в коридоре. Деловой костюм, каблуки, золотая цепочка на шее. Она была ослепительна, и сейчас я ею гордилась. Впрочем, как всегда по утрам.

Дверь за мамой закрылась, и я посмотрела на себя в зеркало. Почему-то все говорят, что мы похожи. Мне вот так не кажется. Ничего общего! Я обыкновенная – лицо, волосы, глаза. А мама особенная. Она постоянно готова на какие-нибудь свершения. Мне же чаще хочется спать. И собираюсь я не в пример ей очень долго, полчаса. Может, и правда съесть ламинарию? Интересно, стану я такой же бодрой?

Я побродила по квартире, собрала тетрадки, еще немного постояла перед зеркалом, соображая, что бы такое надеть. Вариантов было немного – джинсы с серой водолазкой или джинсы с красным пуловером. Выбрала водолазку. Собрала волосы в хвост и вышла из квартиры. Планов на сегодня – масса. Утром школа, вечером фехтование, завтра курсы, к ним еще надо подготовиться. Думать об этом сейчас не хотелось. Хотелось жмуриться на еще теплое осеннее солнце и улыбаться.

Выход из подъезда был забаррикадирован коробками и разобранной мебелью. А над ними возвышался старинный буфет. В глаза бросились два ящика, затянутых в черную ткань (впервые вижу такой способ транспортировки, обычно ценные предметы перевозят в коробках с защитной пленкой, а тут разорились на матерью), и большой сундук с ко-

ванными железными перетяжками, замкнутый на массивный навесной замок.

Кто же это к нам переезжает? Кроме рабочих и любопытных бабушек, никого интересного больше во дворе не было. Ну и где хозяева? Неужели за разгрузкой никто не следит?

– Ой, смотрите! Мишель топает!

Где-то сходят лавины. Где-то альпинисты штурмуют непроходимые горы. Где-то рождаются дети. Где-то прибой размывает берег. Где-то человек переезжает на новое место. А где-то все по-старому. Как говорится, «те же, там же».

Стешка Малинина, Катя Семенова и Галя Репина собираются с силами, чтобы пойти в школу. Делают они это во дворе моего дома, в точке пересечения трех путей. Сидят на детских качелях, курят, копят злобу, выделяют желчь, обсуждают новости.

Когда-то Стешка мне нравилась. Я хотела с ней дружить и быть на нее похожей. Она высокая, красивая, уверенная в себе, неглупая. Она и сейчас такая, красивая, уверенная в себе и неглупая, но мне с ней скучно. Она постоянно находится в поиске идеального поклонника. Добившись чьего-то внимания или даже любви, не успокаивается, начинает искать снова. Даже пары дней не дает счастливчику насладиться победой. Оттого, что она все время боится упустить что-то важное, на лице ее застыло вечное раздражение. Года два назад наша дружба сошла на нет и превратилась в тихую Стешкину злобу. Малинина, наверное, специально каждое утро прихо-

дит сюда, ее задевает, что она мне больше не интересна.

– Что ты, светик мой, не весел? Что головушку повесил? – приторно-сладким голосом пропела Стешка. Ой, простите, Стефания Дмитриевна.

У Малининой все хорошо – богатые родители, модная одежда, поездки на юг и в Европу, мальчики (а как же!). Но ей этого мало, хочется еще больше внимания.

– Кто тут у вас с таким шиком заселяется? – интересуется Катя. После неудачной затяжки голос у Семеновой хриплый.

– Видела я их! – Это Галька. Репина всегда все знает. – Двое. Будут жить в мастерской. Он и... парень, племянник.

– И еще раз он, – хмыкнула Стешка, обдавая подружек табачным дымом. Семенова в ответ довольно улыбнулась.

– Парень длинный такой, красивый, – начала вспоминать Репина. Она невысокая, поэтому смотрит на нас, задрав голову. – И бледный. Идет – ни на кого не смотрит. А глаза у него... голубей не придумаешь.

– Специально остановился, чтобы цвет глаз тебе показать? – Стешка отправила окурочек в кусты.

– Ну, чего ты... – обиделась Галя. – Я же видела!

– Мы сейчас тоже увидим.

Стешка одернула на себе куртку, смахнула с меховой оборки на воротнике невидимую пылинку.

– Учитесь, карапузы!

И Малинина поплыла через двор. Мимо грузовика, мимо лавочки – к подъезду. Под навесом кто-то стоял. Я и не слы-

шала, как он вышел.

Какой-то парень... Темные волосы, высокий, худой, на лицо падает тень от козырька над входом в подъезд. В джинсах, джинсовой же куртке, в черных перчатках.

Мне вдруг стало жарко. Ладони вспотели, так что захотелось сунуть их под холодную воду. Сердце тревожно забилося, словно предупреждая об опасности. Я удивленно оглянулась. Сто лет знакомый двор, покачивающиеся от ветра качели, ржавая горка, пыльные машины, уткнувшиеся в пригорок, неуклюжий грузовик. Репина с Семеновой следят за Стешкой. Что это со мной?

Малинина остановилась перед незнакомцем, картинно положив руку себе на бедро. Катя с Галей сделали несколько произвольных шагов вперед – не услышат, так хотя бы увидят.

У подъезда разговаривали. Причем было заметно, что Стешка нервничает – она терла руки, постоянно поправляла волосы. Парень же был неподвижен.

Вот Малинина достала сотовый телефон. Катя с Галей переглянулись.

– Обалдеть! – выдохнула Семенова.

Я мельком глянула на Катьку, а когда снова повернулась к подъезду, парня уже не было.

Я помотала головой. С недосыпу я не успеваю следить за действительностью?

– Девчонки... – Стешка шла обратно, вертя перед собой

телефонной трубкой. – Танцуйте! Я его сфоткала.

– А номер дал? – Глаза Репиной горели от восторга.

– Прикиньте, у этого красавчика нет сотового!

Действительно, странно. У кого это в наше время нет сотового?

– Сказал, что скоро купит. Я ему оставила свой номер!

– Зовут как? – Семенова была скорее равнодушной.

– Его зовут... – На Стешкином лице появилось удивление, она недовольно стукнула кулачком о ладошку, пытаясь вспомнить. – Он же говорил! Не то Вася, не то Ваня... Блин! Что-то простое.

– Может, Веня? – вылезла вперед Репина.

– Да какой Веня! – отмахнулась от нее Малинина и щелкнула пальцами. – Вот ведь! Только что помнила...

– Фотку показывай, – напонила Катя.

Не знаю почему, но я подошла ближе. Меня Стешкины дела, конечно, не касаются, но стало вдруг любопытно – кто это теперь будет у нас в доме жить?

Наманикюренный ноготок ткнул в клавиши телефона.

– Ну и куда же делось? – нахмурилась Малинина.

Девчонки тянули шеи, пытаясь заглянуть в экран. Там была одна чернота.

– Вот черт! Не сработало?

На душе снова стало тревожно, и я быстро пошла прочь. Что-то последнее время я уж очень впечатлительная...

Новый жилец не выходил у меня из головы. На первом

этаже нашего подъезда около лифтов есть неприметная деревянная дверь. Она ведет в полуподвал. Мы все называем его мастерской. Хотя, может быть, его планировали и для чего-то другого, например, хотели устроить склад или магазин, но там долгое время жил художник. Поэтому полуподвал и стал мастерской. Художник уехал. Помещение пустовало недолго.

Репина всем успела растрезвонить о шумном переселении. Стешка таинственно прикрывает глаза. Делает вид, что фотография у нее есть. Девчонки ее не разоблачают, а мне это просто неинтересно. Смешно наблюдать, как от всех рассказов хмурится Петька Синицын. Стешка все еще решает, с кем она, и Петька у нее как запасной аэродром. Как что не удалось, она возвращается к Синицыну. Петька почему-то терпит. Хотя глядя на него, ни за что не поверишь, что он может быть терпеливым – здоровенный, широкоплечий, ходит в качалку и занимается чем-то боевым. Дзюдо, что ли.

Я сижу на крайнем ряду около окна и смотрю на березу, на ее поникшие плети с желтыми листьями, почерневшими на кончиках от утренних заморозков. Смотрю на истончившиеся ветки и потемневший ствол. И мне становится грустно. Все вокруг до того привычно, что неожиданно даже скучно. И эти перешептывания по классу, и постоянная игра взглядов, и плывущие по партам записки, и отношения, которые в своей неискренности стали пресными. И даже береза за окном. Что это со мной? Разве что-то произошло? Ниче-

го. Обыкновенное утро. Обыкновенные разговоры ни о чем. Обыкновенная береза, каждый год по осени теряющая свои листья. Ну, люди приехали... Люди постоянно откуда-то куда-то едут. И я уеду. Куда-нибудь. Окончу школу, потом институт, сяду на поезд и исчезну. К тому времени все изменится. Совсем изменится.

Интересно, когда я приду домой, грузовика уже не будет? Или его проржавевший остов останется в нашем дворе на веки вечные?

– Гурьева, о чем мечтаешь?

Вот ведь! Стоит лишь на секунду перевести взгляд на окно, как русичка мгновенно это замечает. В одиннадцатом классе учителя взялись за наше воспитание. Крик стоит на каждом уроке. Бедные учителя... Мне их порой становится жалко. Учить, учить, чтобы под конец понять, что ничего не смогли дать.

– О чем я сейчас говорила?

– О поэтах Серебряного века. – Я успела посмотреть в открытый учебник на соседней парте. Привет тебе, Семенова! – Блок, Мандельштам, Ахматова, Цветаева.

– Ахматова? – Роза Петровна усмехнулась.

– Ну ты, Мишель, влипла... – прошептала у меня за спиной Малинина.

– Хм, а я и не помню, чтобы говорила об Ахматовой, – с явным удовольствием тянет слова русичка. – А тебе что-то слышалось?

Класс зашевелился. Репина довольно захихикала, грудью ложась на парту.

После той истории с покойницей меня начали мучить кошмары, и я из-за бессонницы пропускала школу, меня пытались лечить. Чтобы у меня не было проблем, мама пришла к директору и все рассказала. Учителя должны были принять данный факт во внимание и лишний раз не пугать меня, не переутомлять, не удивляться странностям моего поведения. Странностям никто не удивился, над ними стали издеваться. И больше всего этим любили заниматься наши учителя.

Я вздохнула и начала рассказывать все, что знала про Ахматову. Знала я много. По классу пронеслась волна разочарования. А чего они удивляются? Как будто не знают, что я собираюсь поступать на филологический факультет. Просто Роза Петровна все еще пытается доказать мне, что я выбрала не ту профессию. На подготовительных курсах в институте почему-то так не считают.

– Супер, – громко прошептала Лерка Маркелова и шмыгнула носом. Маркелова – гот, она любит все депрессивное и унылое. Ахматова как раз для нее.

А теперь последний удар, чтобы расправиться с противником окончательно.

– Роза Петровна, можно я выйду? У меня голова болит.

– Конечно, – растерялась русичка. – Иди.

И я отправилась в коридор. Ну их! Все равно Серебряный век я знаю лучше составителей учебника, а сидеть в классе

мне что-то сегодня не хочется. На душе непонятная тревога, тянет куда-то идти, что-то делать. Только не сидеть!

Я быстро пошла по коридору, размахивая руками.

Засыпаю. Надо проснуться.

Я представила в руке саблю, представила перед собой противника и сделала пару выпадов. Противник у меня почему-то оказался похож на парня из полуподвала. Убила я его одним ударом. Он мгновенно поблек, невесомой тенью упал на пол.

– Туше!¹

Посреди урока услышать такой возглас – чокнуться можно.

– Я тебя сейчас убью! – повернулась я к Пашке Колосову. Он в ответ расхохотался. Высокий, остроносый, с пухлыми губами, ежесекундно готовыми растянуться в довольной улыбке, сероглазый. Что еще? Шрам на скуле. Длинные, давно не стриженные волосы падают на глаза. Мне странно видеть его без маски, без наголовника и не вспотевшим после очередного боя.

Вместе мы ходим в секцию спортивного фехтования. Вернее, не так. Я уже год посещала секцию, когда там появился Пашка. О том, что учимся в одной школе, узнали неожиданно: мы просто столкнулись в коридоре. Он на год меня младше, но фехтует... загляденье. В него можно было бы влюбиться за молниеносную реакцию и точный глаз. Но я не со-

¹ В фехтовании – укол (удар), нанесенный в соответствии с правилами.

бираюсь. Почему? Потому! Есть люди, в которых можно сразу влюбиться (например, в певцов или в актеров), а есть люди, к которым слово «любовь» не подходит вовсе.

Пашка Колосов – это Пашка Колосов. С ним хорошо дружить, он верный, надежный, на тренировке никогда не будет поддаваться. А еще с ним все время интересно, потому что он невероятно наблюдательный, рассказывать о прошедшем дне может столько же, сколько день длился, – кто что сказал, как посмотрел, как выглядел...

– Ты чего здесь делаешь? – Я отсалютовала воображаемой саблей, и призрак поверженного противника исчез.

– Иду за мелом в учительскую, смотрю – тут ты прыгаешь, – довольно заулыбался Пашка.

Ему палец покажешь, он будет улыбаться. И где только берут таких жизнерадостных людей?

– А я пытаюсь проснуться. Бешеная собака своим воем мне всю ночь спать не давала.

Постепенно все подруги в классе у меня сошли на нет, потому что появился Пашка. Последней, с кем я дружила, была Маркелова, но у нее начался период готства и собственной влюбленности. У меня же появились фехтование и Пашка. Так что с Маркеловой мы разошлись, не сильно тому огорчившись. Одиннадцатый класс раскидал народ по интересам – кто куда поступает, как представляет себе жизнь. Все запасаются учебниками, ходят, увешанные шпаргалками с английскими словами. Я пошла на подготовительные курсы

филфака, а вот Маркелова учудила. Ляпнула родителям, что жизнь штука проходящая, что смерть неизбежна, а поэтому встретить ее надо по возможности достойно, без суеты вокруг мелких земных благ. Короче, поступать она никуда не собирается. Толкать такие речи в школе ей запретили. Но по упрямой Леркиной физиономии и так понятно, что своего она добьется. Хотя с ее мозгами легко можно поступить на исторический. Если она их, конечно, не окончательно зачернит своими готами. А еще у Лерки есть зверь, крыса Лариска, белоснежный альбинос с веселыми красными глазами. Лариска всегда с Маркеловой – когда не копошится за воротником, то спит в сумке, выставив наружу розовый хвост. Не дай бог, сумасшедшие готы покрасят ее в черный цвет! Жалко будет крыску, она это не переживет.

– Ага. – Взгляд у Пашки стал хитрым. – Вечером тренировка, помнишь? – Как будто это можно забыть! – Минут на двадцать пораньше придешь?

– И что я буду двадцать минут делать? – Что-то мне не нравилось, в какую сторону поворачивается наш разговор.

– Костюм мне зашьешь, хорошо? Он в прошлый раз порвался, и Сергачева сказала, что не пустит меня в зал в таком виде.

Я открыла рот. Дружба, конечно, дружбой, но рваные штаны – явный перебор. Только Пашка не дал мне ничего сказать.

– Вот и договорились! Ну, я побежал.

Я собралась крикнуть ему вдогонку, что никаких двадцати минут не будет, пускай сам занимается своей амуницией, но вовремя вспомнила, что идет урок и лучше не шуметь, если я не хочу навлечь на себя чей-нибудь гнев. Носиться за Колосовым по этажам тоже не хотелось. Пришлось смириться. Потому что если я не приду в спортзал за полчаса до начала тренировки, Колосов заявится со своим костюмом ко мне домой, будет сидеть на лавочке перед подъездом и всем жаловаться на жестоких девушек, не способных нитку в иголку вдеть.

Я залезла с ногами на подоконник. Поскорее бы вечер, поскорее бы тренировка... Сегодня буду ее ждать с особым нетерпением. Сегодня есть хороший повод лишний раз настучать вредному Пашке по маске.

Когда я вернулась после уроков домой, грузовой машины во дворе не было. Зато стояло пианино.

Настоящее концертное пианино, белое, с необычной прозрачной стеклянной крышкой. Около инструмента стоял человек. Я его не сразу заметила, потому что он наклонился, что-то пытаясь сделать со своим монстром.

А потом он выпрямился.

О том, что у меня открыт рот, я поняла только через несколько секунд.

Это был наш новый жилец, тот самый, с которым утром разговаривала Стешка. Ошибки быть не могло – более красивого человека я в жизни не видела. Нереально правиль-

ные черты лица, темные густые волосы, спокойный уверенный взгляд. Его вид рождает ощущение доверия. Незнакомец держался непринужденно, с удивительной простотой и изяществом. Красота и печаль больших светлых глаз убили во мне всякую способность мыслить.

– Здравствуйте, – промямлила я, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

– Здравствуйте. – Голос у него был глубокий, негромкий и приятный. Говорил он медленно, словно подбирая слова. – Хорошего дня.

Я сама не заметила, как улыбнулась в ответ. Надо же, какие люди бывают... Я и представить себе не могла такую красоту. Не чувствуя под собой ног, дошла до подъезда.

– Позвольте!

Он оказался рядом. Мелькнула рука в перчатке, берущаяся за ручку двери. Темнота холла распахнулась передо мной, дохнуло сыростью, и я шагнула к лестнице. Дверь закрылась, забрав с собой остатки света.

И лишь в тот момент я с ужасом вспомнила, что не сказала «спасибо».

Почему это так меня испугало? Что-то было в идеально красивом парне такое, что некоторое время я простояла на месте, вцепившись в перила.

Очень хотелось выйти на улицу и о чем-нибудь его спросить. О погоде, о том, откуда он приехал, как разместился, не надо ли чем помочь?

Желание было настолько велико, что я второй рукой вцепилась в перила, заставляя свои ноги подниматься по лестнице, а не идти к двери.

Сердце колотилось как ненормальное.

Что со мной? Мне всего-навсего дверь открыли, а я уже готова куда-то бежать. Чего я так всполошилась? Головная боль накрыла внезапно, так что пришлось распустить волосы, утопить в них пальцы рук, помассировать виски.

Кнопка вызова лифта загорелась неприятным красным огоньком. Я непроизвольно покосилась на дверь в полуподвал.

Сундук с буфетом, значит, затащили, а пианино в дверь не прошло? Как он его теперь будет вносить? Бедненький...

Глава II

Знакомства приятные и не очень

Пианино втащили – когда я пошла на тренировку, двор был пуст. Даже бабушек, постоянных обитательниц лавочек, почему-то не было. Впрочем, бабушки меня не волновали, потому что впереди было самое замечательное, что только существует на свете, – фехтование. Я очень люблю тренировки. Как только спускаешься в раздевалку, вся жизнь остается позади, на улице. Здесь есть только холодная сталь сабли, пропахшие потом жилет и маска. И желание победить, обмануть соперника, доказать, что ты быстрее, умнее, лучше. На час только это становится настоящим.

Пока я зашиваю Пашке безобразную дырку на коленке, он развлекает меня рассказами, как пришел в учительскую за мелом и что там увидел. Учителя ругались из-за какого-то нововведения в школьные правила, и Колосов вдоволь насладился их милой беседой, минут десять простояв за дверью. И теперь он выдавал мне ее содержание, старательно копируя присутствовавших на разборке.

От смеха я безжалостно колола себя пальцы, сшивала ткань не в том месте, так что несколько раз приходилось переделывать все заново. Но время от времени я ловила себя на том, что вместо прыгающего передо мной Колосова ви-

жу совсем другого человека. Бледного, с высокими скулами, тонким носом и правильно очерченными губами.

– Мишлен, ты чего? – испугался Пашка. Видимо, я «зависла» надолго, он перестал рассказывать. – Ну и видок у тебя! Синяки вон под глазами... Спать не пробовала?

– С вами поспишь... – Я уткнулась в заплатку. – Говорю, собака всю ночь выла под окном.

– А пацаны из нашего класса на кладбище ходили, – растерянно пробормотал Колосов, садясь рядом со мной на лавочку.

– Хочешь сказать, что они ту собаку выкопали из могилы? Знаю я их походы. Наверняка пацаны шли на кладбище, подпихивали друг друга в спины, а у самих коленки тряслись. Какой-нибудь шутник забежал вперед, забрался за могильный памятник и давай оттуда завывать. Все разбежались, а на следующее утро каждый с гордостью рассказывал, как гулял между могил, встретил парочку призраков, поговорил с ними о жизни и остался доволен общением.

– Какая собака, ты чего! – снова оживился Пашка. – Там было посвящение в готы. Они ходили смотреть.

– Ну да, посвящение! – Я еще пыталась улыбаться, хотя неприятные мурашки уже бегали у меня по спине. – Наверное, проверка на живучесть. Заколачивают претендента в гроб, закапывают, а потом ждут, вылезет он или нет. Кто выбирается, тот признается за гота, а кто нет, тот сам виноват...

– Не, там что-то попроще. – Пашка не понял мою шутку.

Черт, зря заговорила про кладбище. Иголка в пальцах ходила ходуном. Не люблю я такие темы. Пускай мертвые лежат там, где они лежат, и не спешат встретиться с живыми...

Тренировка шла своим чередом, но разговор в раздевалке застрял у меня в голове.

Интересно, на какое кладбище хаживают местные готы? Неужели на Покровское! Знаю я то место. Маленькая Покровская церковь спряталась между высотками, кладбище оказалось окружено со всех сторон детскими площадками. Говорят, раньше церкви ставили на высоких красивых местах. Может, и это место когда-то было красивым, но сейчас оно ничем не примечательно. Над кладбищем витает дух заброшенности. Кроме готов, туда последнее время никто и не наведывается. Ну, еще дети резвятся вдоль ограды. Но их можно не считать.

Хотя что-то в этом есть – детишки, играющие на пороге смерти...

Я медленно брела с тренировки домой. На душе было пасмурно. Фонарь у меня за спиной неожиданно загудел, набирая обороты, как самолет перед взлетом, чем-то хрустнул и погас. Зашуршала, опадая, листва.

Начинается... Главное, как удачно я вспомнила о кладбище!

Привычные уличные шумы стали вдруг далекими. Где-то там гудели машины, скрипели тормоза, возмущалась сигнализация. Где-то там ходили люди, смеялись, разговаривали,

звонили друг другу по телефону. И только здесь почему-то было темно и подозрительно тихо.

Быстрее!

Я пробежала темный поворот, и прямо у меня на глазах погасло еще несколько фонарей.

Не успела я подумать о том, что народа на улице почти нет, как из темноты мне навстречу вынырнула пара. То, что один из идущих он, наш новый жилец, владелец белого пианино, я поняла сразу – его бледное лицо как будто светилось изнутри. Шел он ровно, высоко подняв голову, ни от кого не таясь и не скрываясь. Рядом, касаясь его локтя рукой, шла девушка.

Таковыми бывают манекенщицы – высокая, тоненькая, с копной светлых выющихся волос, с надменным выражением лица. Оба они были одеты во что-то черное, но я одежду не очень хорошо разглядела.

– Das wird dir noch leid tun!² – Голос девушки был таким же холодным, как и ее красота.

– Du weißt doch, um Mitleid zu haben braucht man Emotionen³.

Его бархатный голос заставил мое сердце учащенно биться. Да что же такое со мной происходит-то!

– Wenn alles passiert, wirst du erfahren, was Emotionen

² Ты пожалеешь об этом! (нем.)

³ Ты же знаешь, для жалости нужны эмоции (нем.).

sind⁴, – жестко ответила девушка.

О том, что они ругались, можно было догадаться и без перевода.

Пианист повернул голову. Его взгляд мазнул по мне, а потом перешел на лицо девушки.

Я почувствовала странный холод. Как будто меня сейчас сравнили с этой красавицей. Сравнили и дали понять, что я даже рядом с ней стоять не могу. Что ее место на пьедестале, а мое на кухне. Что я права не имею ходить по одной земле с ней. Что...

– Verdammt!⁵ – пробормотал пианист и шагнул со своей спутницей в темноту.

В горле неожиданно запершило.

Они уходили. И словно подчиняясь их неземной красоте, над ними загорались не работавшие до того фонари.

Около последнего столба пара остановилась. Видимо, девушка в чем-то убеждала нашего нового жильца. Потом она вскинула руку и резко ударила пианиста по лицу ладонью.

Пощечина хлопком взорвалась в тишине. Второй замах он успел перехватить.

Что произошло дальше, я не видела. Быстро отвернулась и пошла прочь. Словно только что у меня на глазах произошло нечто неприличное.

Как она могла? Как она могла даже подумать, чтобы уда-

⁴ Когда все случится, ты узнаешь, что такое эмоции (нем.).

⁵ Проклятие! (нем.)

ритель по такому красивому лицу! Да кто она вообще такая? Как смеет рядом с ним находиться?

Если бы вылезавшая из кустов Лерка Маркелова не ругалась так громко, я бы на нее и внимания не обратила, до того была поражена случившимся. Маркелова споткнулась о бортик и сгустком черноты рухнула к моим ногам.

– Вот ведь! – простонала она, глядя на свои разбитые руки.

– Лерка, ты чего? – испугалась я за бывшую подругу. Готика, ранимая психика, странные фантазии, близость к потустороннему, жизнь, полная отчаяния и душевной боли... Что там у них еще? Короче, с Маркеловой могло происходить все, что угодно.

– Ты видела... этих? – Лерка кивнула в сторону кустов, из которых выпала.

– Ты чего тут делаешь? – рассердилась я. Достала она меня со своими шуточками и загадками.

– Новенькие из вашего дома – просто улет! Ты с ними уже успела познакомиться? А чего одна? Где Пашка? – Маркелова могла засыпать вопросами Эйфелеву башню. – Хотя видела я его. Топал со своим друганом Витьком в сторону универмага. Поссорились, что ли?

– Ни с кем я не ссорилась! – Вот уж кого я с Маркеловой не собираюсь обсуждать, так это Колосова. Тем более он меня никогда в жизни не провожал с тренировки.

– У Малининой только и разговоров, что про вашего

жильца. А я иду, смотрю, он навстречу... Слушай, выглядит он как-то неважно. Уж очень бледный. Чего, в подвале всю жизнь просидел?

– Ага, просидел. От тебя прятался.

Я совсем разозлилась. Лерка бы лучше на себя в зеркало посмотрела! Желтое лицо, темные круги под глазами, тяжелый черный макияж, черные лохматые волосы, подкрашенные серым карандашом губы. Вот уж кто точно вылез из под-земелья!

Маркелова хихикнула.

– Не завидуй! Ой, задубела я здесь сидеть. Пошли, что ли? – Она привычным движением сунула руку сзади за воротник плаща, выудила на плечо белый меховой комочек и знакомо пошутила: – Лариска, гулять... А Малинина, между прочим, полдня около твоего дома пасется, – беззастенчиво заложила одноклассницу Лерка. – Кстати, говорят, твой новый жилец – гот.

– Чего? – От неожиданности я чуть не споткнулась. Спокойное красивое лицо, улыбка, внимательные глаза. В нем и тени депрессивной безысходности готов нет!

– Да ладно, не бойся! Что, уже и пошутить нельзя?

– Шла бы ты шутить... на кладбище, – буркнула я.

– Как раз оттуда. – Лера наградила меня одной из своих демонических улыбок. – Гуляла, набиралась силы.

Силы она набиралась... Бестолочь черноволосая!

– А ты чего одна? Куда своего Дракошу дела? Поссори-

лись?

Не подколоть подругу, хоть и бывшую, день прожит зря.
– Дура! Готы не ссорятся, – кажется, обиделась Маркелова.

Дракон был Леркин молодой человек. Не знаю, насколько у них все серьезно, но благодаря ему Маркелова быстро стала известной в своем кладбищенском кругу. Дракон у них авторитет. Никогда не думала, что Лерка его заинтересует, но вот уже некоторое время они ходили вместе. В черный плащ она облачилась следом за ним. Сам Дракон невысокий, розовощекий, курносый, с пухлыми губами. На лице то ли татуировка, то ли рисунок, спускающийся с левой щеки на шею. Парень абсолютно не в моем вкусе, поэтому я и не понимаю, что Лерку в нем так привлекает. Впрочем, кто их разберет, хладнокровных любителей инфернальщины.

– Значит, наш новый жилец никакой не гот, – не заметила, как я вновь вернулась мыслями к пианисту. – Он только что со своей дамой поссорился.

– Дура! Я пошутила. – Маркелова стремительно теряла ко мне интерес.

И я пошутила, но сказать об этом не успела, потому что Лерка канула в ночь. Наверное, она все-таки поругалась с Драконом и пришла мне об этом рассказать, я же на нее, как всегда, наехала. А у готов душа ранимая, они не любят, когда над ними шутят. Раньше было ничего, а теперь нельзя. Могла бы и на сотовый позвонить, предупредить, что хочет

встретиться...

– Блин! Гурьева! Ты чего не дома?

Стешка выплыла из темноты, как пароход из тумана. Семенова с Репиной держались у нее в кильватере.

Вот уж кого не ожидала встретить по дороге с тренировки, так это их, великую троицу. Хотя, судя по словам Маркеловой, они заняли у меня во дворе круговую оборону, прорыли траншею, укрепили пулеметные гнезда и запланировали пару тайных ходов отсюда к границе с Канадой.

– Уже дома! – буркнула я.

– Ты чего такая? – Малинина задержала меня за куртку. – Встречалась с кем?

И тут я вспомнила слова Лерки, что Стешка пыталась весь день выследить пианиста.

– Совсем, что ли? – вырвала я свою руку. – Я с тренировки иду.

Малинина внимательно посмотрела на меня. Слишком внимательно. Но выдержать ее взгляд оказалось легко – мне нечего было скрывать. Почти нечего. Я уже собралась рассказать, что пианист на улице, но не один, что у него сейчас не то настроение, чтобы к нему подходить, но решила не расстраивать Стешку. Меня же потом и обвинят, что я все подстроила.

Я шла к подъезду, чувствуя, как в спину мне смотрят ненавидящие глаза. Ну и ладно, ну и пусть! Я даже снова разозлилась. На себя. Будь у меня в руках сабля, я бы заставила

Малинину попрыгать, а так, в простом разговоре, приходится постоянно отмалчиваться.

Не успела я забежать под козырек, подъездная дверь открылась, выпуская незнакомого мужчину. Высокий, стройный, холодный взгляд внимательных глаз.

– Приятного вечера, – чуть поклонился мне мужчина. Я едва не растянулась на грязных плитках перед лестницей. Испуганно глянула на говорящего – в нашем городе никто никого не приветствует просто так, к тому же незнакомых. А мужчина спокойно ждал, пока я пройду в подъезд, чтобы выйти на улицу. Я обратила внимание на его бледную кисть, на длинные белые пальцы с синеватыми ногтями.

«Еще один пианист», – мелькнуло у меня в голове. И я запоздало ахнула. Это же дядя! В мастерскую въехали двое – дядя и племянник. И конечно же, они могут быть похожи.

Видимо, я слишком долго смотрела на мужчину. Выждав приличную паузу, он снова улыбнулся, чуть склонив голову.

– Приятно было познакомиться, – произнес как пропел он. – Adieu!⁶

И вышел.

Дверь захлопнулась.

Дома мысли о новых жильцах не давали мне покоя. Я металась по комнате, не в силах отвлечь себя от этих размышлений. Надо было найти какое-то занятие. Я ушла в ванную, вымыла голову, а потом долго расчесывалась перед зерка-

⁶ Прощай! (*фр.*)

лом, глядя на себя.

Ничего примечательного, обыкновенное лицо, соломенные непослушные волосы, тусклые от постоянной бессонницы глаза. Я постаралась рядом с собой представить пианиста, и мне тут же захотелось отойти от зеркала. Пожалуй, надо с собой что-то сделать. На диеты я не способна, а вот собой заняться можно.

Я изучила зеркальную подставку, нашла мамин бальзам для волос. Как раз то, что нужно!

Высушенные феном волосы легли пышной волной. Да, вот теперь я себе больше нравилась. А может, и еще кому приглянусь...

Почему так? Живешь, все у тебя хорошо, ничего особого тебе не требуется. И вдруг появляется кто-то и ломает твою такую правильную, размеренную жизнь. И все летит кувырком. Он, может, и не хотел, он, может, и не догадывается, что помешал, а ты уже не способна спокойно читать, смотреть телевизор, учиться. Не получается жить, как прежде.

Выходя из ванной в темный коридор, я чуть не сбила с ног маму.

– Май? Как дела?

– Все хорошо. – Я постаралась побыстрее проскользнуть в свою комнату, но мама для того и вышла, чтобы так просто я от нее не отделалась.

– Что в школе? Как тренировка?

– Все в порядке. – Баллончик с бальзамом для волос жег

мне ладонь.

– Звонил Пашка. Спрашивал, пришла ты или нет. – Мама замялась, отведя взгляд. – Почему вы вместе с ним не ходите? Провожал бы он тебя, а то на улице уже темно.

Это было невыносимо.

– Мама! Прекрати!

Мама коснулась пальцами моих волос.

– Как красиво, – прошептала она. Чуть отстранилась, пропуская меня. И уже в спину спросила: – Май, ты влюбилась? Что?

Кровь прилила к щекам, сердце толкнулось куда-то в горло.

– Мама! – Я поспешно потянула на себя дверь в свою комнату. – Что ты такое говоришь? Мне уже и голову вымыть нельзя?

– Ты последнее время какая-то бледная. – Мама шла за мной по пятам.

– Собака воеет, спать не дает. Ты разве не слышишь?

Взгляд мамы стал странным. Она смотрела на меня, как на маленькую девочку. Как на маленькую, беспомощную и глупую. Как будто я сейчас собираюсь залезть в будку к злой цепной собаке и погладить ее по жесткой холке.

Но лезть я никуда не собиралась. Я просто хотела побыть одна.

– Май, давай уедем куда-нибудь? – произнесла мама таким голосом, что я остановилась. Лицо у нее было устав-

шее. – Возьмем путевку на юг. Там еще тепло. У нас теперь солнце появится не скоро.

Мне тут же захотелось уехать. Немедленно! Сию секунду! Побросать вещи в сумку и уйти. Даже дверь за собой не закрыть.

– Когда? – Я смотрела на маму и не узнавала ее.

– Завтра пойду в турагентство и возьму горящую путевку. Что у тебя с каникулами?

– Скоро, – пробормотала я. Вопрос вернул меня к действительности, к осеннему вечеру, к вою ветра за окном – на такой высоте он дует постоянно.

– Завтра все узнаю.

Она ушла, оставив меня наконец одну. Я медленно опустилась на кровать. В голове вспыхивали и гасли редкие кадры. И в каждом был наш новый жилец. Вот он около пианино. Вот открывает мне дверь. Вот равнодушно смотрит на меня, отворачивается и уходит.

Черт, черт, черт! Сколько можно-то!

Да, все правильно. Надо уехать. Как можно быстрее. Убегать, спрятаться. А потом я вернусь, и все будет как раньше. Будут те же тренировки, те же занятия на курсах, по воскресеньям поездки на конюшню. Все вернется обратно. И спокойствие тоже вернется.

Утром лицо у меня было опухшее от ночных слез, глаза покраснели, в уголках чувствовалась резь. В зеркало на себя

смотреть было страшно.

Я налила себе большую кружку кофе, отрезала кусок сыра и села за стол. Чувствовала себя измотанной, как будто всю ночь размахивала саблём. И под стать моему настроению на улице моросил мелкий дождик.

Во дворе памятником чему-то вечному торчала неизменная троица. Изморось не мешала им дымить влажными сигаретами.

– Физкультпривет! – зло процедила Стешка. – Что-то твой сосед сегодня не выходит.

– Вчера нагулялся, – буркнула я, собираясь пройти мимо. Глаза опустила, чтобы ничей взгляд меня не остановил.

Я решила с утра не убирать волосы в хвост, оставила их распущенными, и теперь они мне мешали, падали на лицо, лезли в глаза, я их постоянно поправляла, что раздражало меня ещё больше.

– Видела я его фифу. – Малинина восприняла мою остановку как желание поговорить. – Ничего особенного. Тошная. Не стенка, подвинем. Слушай, Гурыч, открой-ка нам дверь своего подъезда.

Окурочок по привычной траектории полетел в кусты. Какая у нас добросовестная дворничиха, хорошо убирается, иначе к концу учебного года несчастный куст был бы по верхние листья засыпан окурками.

– Зачем тебе? – При желании Стешка могла войти в дом и без моей помощи.

– Пошли, пошли! – Малинина тряхнула волосами, сбрасывая с них капли дождя. – Дело есть.

Я повернулась к подъезду, посмотрела на него так, будто видела впервые. А почему бы и нет! Стешка хочет его увидеть? Я тоже. Наши желания совпадают.

Загипнотизированная идеей, я пошла обратно через двор. Кодовый замок, ступеньки, хлопающая рама окна на лестничной площадке. Стеша сразу направилась к двери в мастерскую, утопила кнопку звонка.

Из-за тонкой перегородки отозвался тяжелый грудной удар гонга. Больше ни одного звука слышно не было.

– Ушли, что ли? – возмущенно всплеснула руками Стеша. Гонг прозвучал еще раз.

– Они спят, – прошептала осторожная Катька.
– Какое спят? – не сдавалась Малинина. – На работу пора! – И стукнула кулаком по косяку.

Дверь приоткрылась – она была не заперта.
– Доброе утро, барышни.

Мужчина выступил из темноты неожиданно. Тот самый, что встретил меня вчера на лестнице. Девчонки вскрикнули, а прыгучая Репина отдала мне ногу.

– Мы из домового комитета, – пролепетала Стешка, стремительно краснея. – Хотели... хотели...

Мужчина не был ни зол, ни раздражен нашим визитом. Наоборот, он внимательно смотрел на нас, ожидая объяснений. Наверное, он собирался на работу, потому что оказался

одет в бежевый костюм, кремовую рубашку и галстук, волосы были зачесаны назад, открывая белый, словно восковой лоб.

Тусклой лампочки на площадке хватало ровно на то, чтобы осветить дверь и нашу четверку. За порогом мастерской свет обрывался, словно ему был запрещен вход внутрь.

– Мы надеемся, что вам тут у нас понравится, – несла полную чушь Стешка. – Если будут какие-то проблемы, звоните. Нам очень приятно, что вы к нам приехали. – И она протянула руку с визитной карточкой (знакомая вещь, где-то у меня такая валялась).

– Нам тоже очень приятно. – Низкий голос мужчины завораживал. – Простите, – он быстро глянул на карточку, – Стефания Дмитриевна, я не представился. Меня зовут Леонид Лео... нидович. – Он коротко кивнул. – Если у нас возникнут проблемы, мы обязательно позвоним.

Девчонки, открыв рот, смотрели на хозяина мастерской. Казалось, распахни он дверь пошире, так бы и зашли туда гуськом. Мне же хотелось поскорее уйти. Невольно я бросила взгляд в глубь темного помещения и увидела его.

Пианист стоял у границы света и тьмы и смотрел на меня. Во взгляде его было удивление, словно я ни в коем случае не должна была сюда приходить.

Я попятилась.

Стешка все еще ворковала с Леонидом Леонидовичем. Судя по его улыбке, мужчина готов все утро с ней прогово-

ритель.

Я засуетилась, снова поправила волосы. В мастерской было темно, но пианист казался еще темнее, и только глаза были светлые и холодные, как лед. Смотрел он на меня настороженно, так что сразу же захотелось уйти.

И я ушла. Сбежала по ступенькам вниз. Глубоко вздохнула под морозящим дождем.

Девчонки с хохотом вывалились из подъезда.

— Ну что, познакомились?

— Да ладно, клевый чувак! — хорохорилась Малинина. — Эй, Гурыч! Ты чего скисла? Надо было и тебе ему телефончик оставить. Чисто по-соседски зашел бы на чаек. Блин! Я опять забыла, как зовут племянника. Он же говорил!

Могучая троица нервно закурила — никто не мог вспомнить имени.

— Спросила бы у него самого! — Мне хотелось поскорее от них избавиться. — Он стоял там же около двери.

— Где стоял? — Стеша выронила только что зажженную сигарету.

— Рядом с дядей, — опешила я. — Вы не видели?

Катя с Галей переглянулись.

— Эй, подруга, ты чего? Гредишь? — Малинина щелкнула перед моим лицом пальцами. — Не было никого. Там же такая темнота, ничего не видно.

— Ну что, девочки, меня ждем? — раздался рядом голос.

Петька Синицын жил в доме напротив и обычно на заня-

тия опаздывал, поэтому вероятность столкновения с ним была равно нулю. Сегодня он что-то рановато. Или, наоборот, мы так задержались?

– Курить вредно для здоровья, – отобрал Петька у Малининой сигарету.

Стешка дернулась.

– Тебя тут как раз и не хватало, – раздраженно бросила она. Конечно, рядом с пианистом Птица Синица смотрелся не то что бледно, а как инопланетянин.

– А кого здесь, кроме меня, можно ждать? – Петька наградил Стешку нежной улыбкой. – Малинина, ты же меня знаешь, увижу кого рядом, прибью.

Девчонки снова засмеялись и рысцой побежали к школе.

Синицын смахнул с коротко стриженной головы дождевики. Он понимал, что своим красноречием Малинину не завоюет.

– А ты чего сегодня так вырядилась? – повернулся он ко мне.

От Синицына подобная реплика вполне могла рассматриваться как комплимент. Я в двадцать пятый раз поправила ускользящую прядку, задумчивым взглядом проводила догоняющего могучую троицу Петьку.

Вполне возможно, девчонки не видели пианиста, потому что его загораживала дверь. Нет, дверь тут ни при чем. Я стояла в стороне, и плечо Леонида Леонидовича... Нет, я была так далеко, что и подавно не могла ничего разглядеть. К то-

му же там было темно. Очень темно. И если бы не странный отсвет его лица...

Около школы меня ждал Пашка. Мы не случайно столкнулись, он не выбежал зачем-то там посреди урока, а именно ждал меня. Сидел на ступеньке, щелкал замком на рюкзаке. Увидев меня, тут же вскочил.

Что-то произошло?

– Здорово выглядишь! – заметил он. – Тебе так идет.

Моя рука привычно потянулась к волосам, но я вовремя спохватилась и спрятала ее в карман.

– Чего у тебя сегодня? – Пашка улыбался. Ничего удивительного в том не было, он всегда улыбался, но сейчас было в его улыбке что-то странное.

– Я после уроков еду на курсы.

Не хотелось думать о Пашке, хотелось думать о пианисте, поэтому я прошла мимо Колосова. Входная дверь знакомо скрипнула, из коридора донеслись голоса, как всегда, из столовой пахло чем-то подгорелым. Все было так, как должно быть, как было последние десять лет. И только, кажется, я уже была другой.

Пашка растворился в суете коридоров, а я и не заметила, когда. Я вообще мало что сейчас замечала.

В классе Маркелова кормила сыром Лариску. Судя по ее взгляду, наш вчерашний разговор она уже забыла.

– Тебя Пашка искал, – сообщила Лерка.

– Нашел уже.

Помолчали. Лариска смешно шевелила усиками, поводи-
ла встревоженными глазками, тыкалась носом в парту.

— А чего, Малинина и правда ходила в подвал в гости? —
спросила Лерка как бы между прочим. Но меня такими улов-
ками не обмануть — она ждала меня, чтобы задать этот во-
прос.

— Никуда Малинина не ходила, — отмахнулась я. Хотя на-
верняка Галька успела всем растрепать об утренней инспек-
ции в мастерскую. Неужели Лерку известие расстроило?

— Говорят, у него на пальце кольцо с черепом. — Марке-
лова пристально смотрела на меня. Обиженная, что на нее
не обращают внимания, Лариска стала небожно покусывать
нам пальцы. — И ходит он в черном. Он все-таки гот. Надо
позвать его к нам в Покровское.

Я села за парту. Так и виделось, как этот красавчик в на-
чищенных ботинках топает по лужам к кладбищу. Среди об-
терханных готов он явно произведет фурор. И вдруг запозда-
ло вспомнила: какое кольцо, если он все время ходит в пер-
чатках? Какая черная одежда, если вчера он был в джинсо-
вом костюме? Да чего они вообще здесь все выдумывают!

Но фантазии продолжались. Пару последующих дней дев-
чонки активно обсуждали Стешкино знакомство. Лица на-
ших парней становились все мрачнее и мрачнее. В таких об-
суждениях все постоянно смотрели на меня, потому что пи-
анист жил именно в моем подъезде и, по мнению многих, я
должна была быть в курсе всего, что происходит в доме. Но

я только пожимала плечами. Новые жильцы нелюдимы, на улице их почти не было видно, а по вечерам не слышно. Если они и играли на своем инструменте, то прикрыв его подушками – из мастерской не доносилось ни звука, ни шороха.

С лавочек во дворе исчезли бабушки. Это было странно. Обычно неугомонные блюстительницы порядка днюют и ночуют возле подъездов, ни дождь, ни холод, ни снег не могут их согнать с насиженных мест. Неужели всех одновременно радикулит прихватил?

– Здравствуйте!

Я до того задумалась, что вздрогнула от неожиданного приветствия.

В окне первого этажа нашего дома сидела Маринка. Ей было лет шесть или семь, но на свой возраст она не выглядела – бледная, худая. Девочка постоянно болела, поэтому все дни проводила в своей комнате. Единственным ее развлечением было укутаться в куртку и плед, сесть около окна и смотреть на улицу. Из-за дома напротив солнца ей не доставалось, поэтому Маринке приходилось довольствоваться отблесками света в чужих окнах. Про себя я ее называла «дитем подземелья». Ее бы на солнышко, на море... Но Маринкины родители были постоянно заняты, им некогда было заниматься дочерью.

– Привет, Маринка! – Я подошла поближе. – У меня для тебя книжки новые есть.

Маринка смешно распахнула глаза.

– Ну что же ты их мне не несешь? Вот взрослые всегда так – обещают и не делают.

Я не смогла сдержать улыбку – до чего Маринка была забавной. И тут же поймала себя на мысли – о ком она говорит? До сих пор этой фразы я у нее не слышала.

– И кто же он, коварный взрослый, обещавший и не сделавший?

– Да есть тут один, – кокетливо отмахнулась Маринка. Ничего себе! Кнопку из-за подоконника не видно, а туда же, женщину из себя строит! – Мы вчера познакомились.

В душе зародилось нехорошее подозрение.

– С кем ты познакомилась? – Наш микрорайон не был богат незнакомцами. Только если...

– С Максимом, – с гордостью сообщила Маринка. – Он за руку меня взял.

Я мысленно прикинула расстояние от земли до подоконника. Метра два. Чтобы взять Маринку за руку, таинственному Максиму пришлось бы долго прыгать. А впрочем, почему таинственному? Если дядя Леонид Леонидович, то племянник... Максим?

– Он и сегодня придет, – пела соловьем Маринка. – Он говорил, что мне надо помочь.

Да, поддержка ей нужна. Только что это за помощь – за руку подержать?

– Он обещал приходить ко мне каждый день. – Маринка очень старалась выглядеть солидной.

– Обещал, значит, придет.

Выходит, Максим? Вот так – не Вася и не Веня.

– Он хороший. – Маринка перегнулась через подоконник и сообщила мне доверительно: – Сказал, что в следующий раз обязательно что-нибудь принесет.

– Здорово, – машинально пробормотала я.

Былая тревога накрыла меня с головой. Что-то должно случиться... Я не понимала, с чего мне вдруг стало страшно. Удары сердца гулко отдавались в голове. Как шаги.

– Максим! – взвизгнула у меня над головой Маринка.

Я дернулась, чтобы сбежать, но было уже поздно.

Глава III

Драка, которой не было

– Здравствуйте!

Спокойный уверенный голос. Все остальное услужливо дорисовала фантазия, волосы, глаза, резко очерченное лицо, губы.

– Здравствуйте! – Я повернулась, и от резкого движения у меня закружилась голова.

Он был все такой же – бледное лицо, чуть рассеянный взгляд, ярко-красные губы. На него хотелось смотреть, не отрываясь, но я заставила себя отвести глаза. Рука потянулась к волосам. Я старательноправляла прядь за ухо, а она все выскользывала, падая на лоб.

– Это Маша, она на двенадцатом этаже живет, – закладывала меня Маринка. – Она на саблях дерется и на лошади скачет.

– Приятно познакомиться. Макс. – Он стоял рядом, и мне казалось, что от его слов веет холодом.

– Маша! Ну, посмотри, какой он красивый! – потребовала Маринка.

Я с трудом подняла голову. Внутри поселилось странное чувство волнения. Как будто я впервые знакомлюсь с парнями. Какие идеальные черты лица. Его губы дернулись в лег-

кой ухмылке.

– Максим, ты обещал! – Маринка настойчиво тянула одеяло внимания на себя.

Пианист нехотя оторвал от меня взгляд и повернулся к окну.

– Это тебе.

На секунду мне показалось, что Макс вырос, так легко, почти не напрягаясь, он дотянулся до двухметрового подоконника и положил перед девочкой букетик небольших синих цветочков. Очень похожих на незабудки. Только цветы не могли быть незабудками. Потому что они цветут весной, а сейчас была осень.

– Вот, я же говорила! – замахала букетиком гордая таким вниманием Маринка. – Еще придешь?

– Приду. – Макс наградил Маринку скупой улыбкой.

А я не могла оторвать взгляда от букета. Это были именно незабудки. Маленькие лиловые цветочки с желтой серединкой ни с чем спутать нельзя. Несколько аккуратных круглых лепестков в маленьком зеленом венчике.

– Максим! Смотри! Она завидует! – Маринке нельзя было отказать в наблюдательности.

– Не может быть! – не удержалась я от восклицания. Тревога заколотилась в груди, на мгновение стало нечем дышать. – Незабудки не цветут в октябре!

Макс резко повернулся ко мне. Мне даже показалось, что он хотел наклониться ко мне, но сдержался.

– А ведь мы с вами встречались... – процедил он сквозь зубы.

– Вы в нашем доме живете.

Ответила я и по стеночке стала пробираться ближе к подъездной двери. Он так нависал надо мной, что мне стало не по себе.

– В вашем доме?

Я увидела, как сжались кулаки в перчатках, как застыло бледное лицо, превратившись в гипсовую маску.

– В доме... – пробормотал он. – Почему же раньше, – Максим, словно опомнившись, выпрямился, – я вас не видел?

– Около пианино. Помните? – пробормотала я. – Вы мне еще дверь открыли...

Говорил он странно. И выглядел как-то пугающе. Его смутил мой вид? Его расстроило мое недоверие к незабудкам? С чего он вдруг так изменился?

– Нет! – Макс отшатнулся, поднимая руку в перчатке к лицу. – Извините.

И проскользнул мимо меня, потянул на себя дверь подъезда. Я даже не успела заметить, как он набрал код замка. И домофон не запищал.

– Незабудки символ верности и доброй памяти... – Он уже стоял в дверях и говорил, чуть повернув ко мне голову. – Греки называли цветок «мышинное ухо». Правда, похоже?

Я скосила глаза на букетик в Маринкиных руках. На меня глянул удивленный голубенький глазок с желтой крапин-

кой-серединкой. Крошечный лепесток правильной округлой формы действительно был похож на мышинное ушко.

– Мы будем помнить! – замахала букетиком Маринка. Ей из окна не было видно, что Макс уже ушел.

Я с трудом перевела дух.

Вот так встреча...

– Я же говорила, он придет! – Маринка ткнула носом в подарок.

Влюбленность этой кнопки была понятна. Я и сама была не прочь влюбиться в Макса.

Вздых у меня вырвался непроизвольно, и я с удовольствием расправила плечи, тряхнула головой, распусшая волосы. Все вроде в порядке. Чего я так напряглась-то при его появлении?

Забавно. Очень забавно.

– Какая-то ты... странная. – Пашка стоял рядом, с тревогой заглядывая мне в глаза. А какой он сегодня прозорливый!

Я медленно ходила по залу, размахивая руками. Бегать, прыгать и драться не хотелось.

– Обыкновенная.

Куда бы спрятаться от его слишком внимательного взгляда? Улыбнулась. А что мне оставалось?

Колосов убежал вперед, но, сделав два круга, остановился.

– Чего такое? Обидел кто?

– Нет, не обидел. – Я потянулась. В теле появилась странная истома. Самой бы понять, что со мной.

– Гурьева, что произошло-то? – На первой же пятиминутной передышке Колосов подсел ко мне на лавочку. – Вон, прическу поменяла.

Сетка маски у меня под рукой была теплая, ее согрело мое дыхание.

– А ты знаешь, что незабудка по-гречески называется «мышинное ушко»?

Пашка протянул руку, чтобы коснуться моего лба, но я отстранилась. Это была не болезнь. А если даже и болезнь, то не та, что с температурой и насморком.

– Гурьева! Уснула?

Девчонка, с которой я сейчас должна была работать в паре, стояла рядом и недовольно постукивала саблей по лавке.

Да, я уснула и просыпаться не хочу. Так прекрасен сон, так крепко он меня держит...

Я резко встала – надо сбросить с себя странное наваждение! – и ринулась в бой. Теперь я носилась по залу, то нападая, то блокируя чужие атаки, только бы стереть из памяти навязчивый образ. И до того себя загоняла, что Пашка предложил проводить домой. Я, конечно, отказалась.

– С родичами беда? – проявлял Колосов чудеса сообразительности. Обычно он не был таким внимательным, а сегодня его словно подменили. Дай ему волю, еще и кроссовки мне зашнурует.

– Все в порядке, – отмахнулась я. Не говорить же ему, что меня зацепило странное поведение нового жильца нашего дома. В ответ Пашка покрутит пальцем у виска и будет прав.

Половину пути до дома я прошла спокойно, но чем ближе подходила к своему двору, тем неуютней мне становилось. Возникло уже знакомое чувство страха, словно вот-вот должно произойти что-то нехорошее. Сердце забухало в такт неслышным человеческим шагам. Я оглянулась. Никого. Что со мной происходит? До сих пор я не была такой чувствительной.

На всякий случай я вгляделась в ближайшие кусты. Вдруг в них опять поселилась Лерка Маркелова? Но ее не было. Уже хорошо.

Чего я так испугалась? Как будто в первый раз иду с тренировки! Нет же – два раза в неделю, третий год. Хотя обычно на улицах народу больше. Сейчас как вымерли. И тишина стоит странная.

По телу пробежала знакомая дрожь.

Я остановилась, заставив себя глубоко дышать. Это просто ночь, обыкновенная ночь. Вокруг все такое же, как и днем, только без света. А значит, никто нигде не прячется, не копит ядовитую слюну, чтобы выскочить и укусить. Все страхи я придумываю себе сама.

Только фонари почему-то опять не горят.

В кармане заверещал сотовый, и я сначала подпрыгнула от

испуга, а потом обрадовалась. Самое лучшее для меня сейчас – с кем-нибудь поговорить.

– Гурьева, ты сменку в раздевалке забыла! – бодро прокричал мне в ухо Колосов. – Вернешься?

Я глянула назад. Идти обратно в спортзал и потом вновь проделать эту страшную дорогу до дома? Нет уж, пусть кеды поскучают без меня пару дней.

– Забрось их за батарею, я в следующий раз заберу, – крикнула я в ответ. – А ты чего не ушел?

– Уже ушел. – Пашка дал отбой. Всего разговора у нас получилось десять секунд.

Когда я подняла глаза от медленно гаснущего экрана, тьма вокруг показалась особенно злобещей. Она выступала со всех сторон рваными ошметками, пронизанными слабыми отсветами далеких фонарей.

Я покрепче сжала ремешок спортивной сумки, уперлась взглядом в землю и зашагала вперед. Не хочу никого видеть, а значит, никого и не встречу.

Но встреча мне все-таки была уготована.

Около входной двери в подъезд топтался Сеницын.

– Ты чего тут? – Я уже достала ключи, но при виде Петки спрятала их обратно в карман. Чего он тут забыл?

– Дверь открой, – приказал Сеницын.

Мне не понравился его тон. Он со мной никогда так не разговаривал.

– Зачем? – заупрямилась я.

Мне бы открыть дверь да пойти домой. Но во мне словно что-то перещелкнуло. С какого перепугу я буду впускать Петьку? Пусть гуляет по своему дому. Нечего ему здесь делать.

– Я сказал, открой! – склонился надо мной Синицын. – Я вашему красавчику и так ноги повыдергиваю, меня никакие двери не остановят!

– Ты чего? – попятилась я. Все-таки плохо меня учили в секции. В экстремальной ситуации я совершенно теряю голову.

– Дуры вы все! – Петька шел за мной. – Я ж предупреждал, чтобы Малинина к нему не совалась! Совсем страх потеряли!

Душа моя совершила испуганный скачок в пятки, подпрыгнула, ударилась о мои бестолковые мозги, и только тогда я все поняла. Синицын собрался привести свою угрозу в исполнение – побить Макса. Вряд ли Стешке удалось добиться расположения пианиста, но одного ее появления рядом с ним больному на голову Синицыну было достаточно, чтобы ринуться в бой.

– Подожди! – я бросилась за уходящим Петькой.

Что происходит? Зачем я это делаю? В душе моей билась и выла бешеная паника. Она заставляла меня бежать вперед, требовала, чтобы я остановила Синицына.

– Петька! Ты куда?

– Отвали! – замахал он руками. – Увижу, убью!

Я увернулась от него, но не отстала. В голове неожиданно взорвался фейерверк ярких образов – ночь, собака, мама спрашивает: «Ты влюбилась?», Макс произносит: «Позвольте!», Маркелова кормит Лариску и улыбается...

Знакомые мурашки пробежали по спине и рукам. Что со мной? Я схожу с ума? Я стояла на месте и испуганно озиравлась. Темнота придвинулась ко мне и упала около ног.

Детская площадка соседского дома. Петька идет к трем теньям, стоящим около железной горки. И как в дурном сне, прямо к ним направляется высокая фигура в джинсовой куртке.

– Макс! – подалась я вперед, и тишина вокруг меня разбилась ледяными осколками.

Люди около горки, Макс, я – все это завертелось и оказалось совсем рядом.

– Ну ты, паря, попал!

Говорил не Синицын, голос был чужой. А Петька молодец, на разборку не один пришел, группу поддержки с собой привел.

Макс остановился около песочницы.

«Беги!» – раздался приказ в голове, но я его проигнорировала.

– Подождите! – Должен был получиться крик. Громкий и уверенный. Но вышел слабый шепот. Я была сильно напугана.

– Приехал, значит, и сразу по бабам пошел? – для пущего

устрашения Синицын добавил в голос хрипотцы. Казалось, что он с приятелями специально накручивает себя, как будто для драки им еще не хватает злости. — А ты знаешь, что за такое по рогам дают?

— Я вас не понимаю. — Макс смотрел перед собой.

Правильно, что он не раздражает их прямым взглядом. Лишний раз злить их сейчас не стоит.

— Смотри на меня! — прорычал Петька, вбивая носок ботинка в песок. Парни за его спиной зашевелились.

Макс сделал шаг назад.

— Синицын! Прекрати!

Жаль, что у меня под рукой не было палки. Хоть чего-нибудь, чем я могла бы сейчас напугать этих уродов. Один Макс с ними не справится. Я перехватила удобней сумку и побежала на четверку.

— Гурьева! Совсем с башкой распрощалась? — взревел на мгновение растерявшийся Петька, когда я в него врезалась.

— Не трогайте его! Твоя Малинина сама дура! — выпалила я.

Лицо Синицына из удивленного стало злым.

— Ты куда полезла, мелочь? — недовольно произнесли из-за его левого плеча.

Я оглянулась на Макса, чтобы понять, какая у нас расстановка сил. Все-таки эту встречу лучше всего закончить мирно и уже потом объяснить ему, что ночью в одиночку по нашим улицам ходить не стоит. Тем более ввязываться в раз-

говор с незнакомыми.

Но за спиной никого не было. Песочница оказалась пуста. И поблизости – ни одной удаляющейся фигуры.

Улетел? Испарился? Ушел под землю?

– Ну, чего? Допрыгалась?

Меня толкнули в плечо, и прямо перед собой я увидела разъяренное лицо Синицына.

Я вжала голову в плечи, не в силах отвести взгляда от своего противника. Ему уже было все равно, кого бить.

Меня дернули в другую сторону, я запнулась о выпавшую из рук сумку и повалилась в руки третьему громиле.

– Мама! – Визг сам собой вырвался из груди. Мне оставалось только отпихиваться. Ни бежать, ни звать на помощь я уже не могла. – Не трогайте меня!

Передо мной вдруг образовалось свободное пространство, я нырнула в него и тут же услышала щелчок выскакивающего из ножа лезвия. Я попыталась уйти от удара, но противник был быстрее. Хрустнула разрезаемая быстрым движением ткань. Левая рука полыхнула огнем.

Ноги подогнулись.

Ко мне придвинулось что-то страшное. Я забилась, выставляя вперед руку. И вдруг все кончилось.

– Halt!⁷ – рявкнули у меня над головой.

Я резко выпрямилась, стараясь попасть нападавшему макушкой в лицо. Я ожидала боли, думала, меня тут же схватят

⁷ Стоять! (нем.)

и произойдет что-то совершенно невозможное.

Но ничего не случилось. Встретившись с пустотой, я кузнечиком скакнула вперед. А потом уперлась взглядом в удивленные большие черные глаза.

Макс коротко кивнул мне, одной рукой сгреб падавшего на меня парня, оторвал его от земли и забросил в темноту детской площадки. Затрещал порушенный инвентарь.

– Все в порядке? – спросил пианист так, словно мы гуляли по парку.

Я смогла только кивнуть, не в силах отвести глаз от его бледного лица.

Оставшиеся двое опомнились и ринулись в бой. Вероятно, они были хорошими спортсменами (наверняка из тех, кто с Синицыным в одной секции занимается), но первого Макс задержал одной вытянутой рукой, а на второго обрушил несколько стремительных ударов другой. Через секунду оба парня оказались лежащими на земле. Петька исчез.

– Идем! – Макс подхватил меня под локоть. – Schneller!⁸

В первое мгновение я испугалась, почувствовав, как к моей руке прикоснулось что-то жесткое и холодное. Но потом поняла – это перчатка. Точно! Он ведь ходит в перчатках!

– Ну же...

Сильная рука дернула меня вверх, и мы побежали. Я с трудом поспевала за пианистом, в темноте совершенно ничего не видя. Я вдруг потеряла всякую способность понимать, где

⁸ Быстрее! (нем.)

нахожусь; я на каждом шагу спотыкалась, норовя сбить с ног ведущего меня Макса.

И тут вспомнила.

– Сумка! – выкрикнула я, вырываясь из его рук. – Я ее там бросила!

– Какая сумка? – взвыл Макс, и я впервые увидела его красивое лицо злым. – Что ты там делала? Кто тебя звал? Откуда ты вообще взялась?

Он орал на меня так, как никто и никогда.

– Я хотела остановить их... – После быстрого бега говорить было тяжело, а тут еще от обиды комок в горле застрял. Я поняла, что сейчас расплачусь. – А что мне было делать? – взорвалась я. – Он собирался тебя убить! Ты разговаривал с Малининой, и Синица решил, что ты ему соперник.

Ответом мне был хохот. Оглушительный. Уничтожающий.

Я попятилась, сжала кулаки, готовая защититься, чтобы больше никто никогда так при мне не смеялся...

Левая рука подниматься отказалась. Она налилась мгновенной тяжестью, и я вскрикнула, хватаясь за плечо. От прикосновения проснулась боль. Рукав был мокрым. Его испачкали чем-то липким, пахуче-сладким... Перед глазами промелькнула детская площадка. Темные фигуры спортсменов. Щелчок выстреливающего в тишине лезвия. Вспыхнувший огонь в руке. Один из придурков поранил меня, и только в пылу сражения я могла об этом забыть!

– Надо было тебя там оставить, – зло прошептал Макс, вытряхивая меня из куртки и перехватывая мою руку выше локтя носовым платком, одним молниеносным движением скрученным в жгут.

Я подняла на него глаза, собираясь сказать, как я ему благодарна, что моя рана – просто ерунда, царапина, что я получала удары и пострашнее.

Но ничего сказать не успела.

Лицо Макса стало страшным. Глаза сузились, поджатые губы превратились в тонкую линию, четче обозначились скулы, на лбу вспухла синяя жилка.

– Уходи, – сквозь зубы процедил он. – Быстро!

Я успела заметить, что руки его испачканы моей кровью, и уже знакомый звериный ужас толкнул меня в грудь, заставив попятиться.

– Уходи! – простонал Максим, сгибаясь пополам.

– Тебе плохо? – прошептала я, борясь с невероятным желанием все бросить и сбежать.

– Прошу! – выдавил из себя Максим, опускаясь на корточки. Его било крупной дрожью. На секунду показалось, что он – уже не он, а кто-то другой.

Мне стало по-настоящему страшно. Я попятилась, чуть не споткнулась на ровном месте и бросилась бежать. Около двери обернулась. Макса не было. Неожиданно ставший ярким фонарь освещал пустую площадку с машинами, безлюдную тропинку.

Вновь стало тревожно. Я подняла голову вверх, как будто оттуда на меня сейчас должно что-то упасть.

А может, ничего этого не было?

Ответ болью забился в руке, и я потянула на себя дверь. Не успела войти в освещенный желтым светом холл, как дверь за мной с грохотом закрылась. Паника толкнула меня в спину, и я бросилась к лифтам.

Вот только пугать меня не надо! Не надо! Я сама себя так напугаю, что никому и в самом страшном кошмаре не приснится!

Меня колотило от пережитого страха. Ничего себе денек: сначала Маринка с букетом, потом драка... Руку мне порезали... Ой, мамочки!

Чтобы меня никто не остановил и не стал задавать вопросы, я прямо в ботинках и куртке прошмыгнула в ванную. Несколько минут бестолково металась, не зная, за что взяться сначала – то ли руку смотреть, то ли перепачканное лицо отмывать, то ли пытаться снять куртку.

Наследила! Как же я наследила!

Сняла кроссовки, снова заметалась. Куда их деть? Не придумала ничего лучшего, как бросить в ванну. И здесь меня снова накрыла паника. Ужас какой! Они ведь могли его убить! Я еще полезла как последняя дура! А Синицын-то каков! Мы же в одном классе учимся! Он думает, я молчать буду?

Стянула куртку. Да... С курткой придется распрощать-

ся... Разрез большой, кровью весь рукав запачкан...

Но как он дрался! Одним движением! Спортсмены даже понять ничего не успели.

Его платок...

Я задрала рукав водолазки. На рану взглянула мельком – ничего страшного, царапина, быстро заживет.

Черная шелковая ткань приятно холодила ладонь. Странный цвет для платка. Да и весь он какой-то странный. По краям обработан изящной вышивкой. В углу монограмма «М.М.». От каждой буквы идут причудливые завитушки.

У парня – такой платок?

Почему-то я решила, что в воде он должен раствориться, но ничего не произошло. Черная ткань заблестела под струей, слиплась. По раковине побежали грязно-бурые разводы. Я провела платком по руке. Мне показалось, или я и правда почувствовала легкое покалывание? Ну вот, начинаю бредить...

Я отложила платок в сторону, достала вату, перекись водорода. Рука болела, но не очень, кровь уже не шла. А с чего ей идти, ведь Макс наложил мне жгут...

Макс... Как все странно.

Чтобы рана не сильно бросалась в глаза родственникам, руку я кое-как перебинтовала, взяла в охапку куртку с водолажкой и наконец выбралась из ванной.

Мама ждала в коридоре.

– Май, что случилось? – Мама с удивлением смотрела на

мои босые ноги.

– Я куртку порвала. – Почему-то хотелось улыбаться. Страх прошел, все осталось позади, и мне вдруг стало весело. – Не переживай, она уже старая была.

– Как ты могла порвать ее? – Мама продолжала изучать мои ноги. Ничего особенного в них не было... Белые носки, слегка испачканные. Ой, бурые пятна! Когда замывала рану, не заметила, как накапала себе на ноги.

– Случайно.

Я прошла в свою комнату. Черт! В ванной остались кроссовки!

– За забор зацепилась, она и порвалась. Я сейчас все убери!

– Какой забор? – Мама шла за мной по пятам. – Сколько тебе лет? Семнадцать! А ты все о какие-то заборы цепляешься... Посмотри на себя! На кого ты похожа? Тебе в институт поступать!

Я поскорее закрыла за собой дверь и начала лихорадочно приводить себя в порядок. Куртку с водолазкой под кровать, потом выброшу... Платок повесить сушиться на батарею... Надо будет не забыть его погладить. Носки с джинсами в стирку...

Сумка! Так за ней и не вернулась... А там кошелек, спортивный костюм... Вот ведь! Придется придумывать, куда я все это дела. А может, списать все на грабителей? Налетели, отобрали, поранили... Нет, это не подойдет. Родители с ума

сойдут от волнения.

Я сбегала в ванную, забрала кроссовки, затерла грязь на полу, вернулась в комнату.

Черный платок... Почему черный? Цвет меня особенно впечатлил. Я снова повертела его в руках. Что-то невероятное... Вообще весь день был полон невероятностей!

Мне очень хотелось с кем-нибудь обо всем поговорить. Но с кем? Рассказать Пашке? Он бы оценил реакцию Макса и его умение драться. Но Колосову ничего рассказывать нельзя. Он сначала меня прибьет, чтобы я больше ни во что подобное не совалась, потом отправится выяснять отношения с Птицей Синицей, а заодно и с Максом. Позвонить Маркеловой? Нет, та наверняка сидит на очередном кладбище, покойников сторожит. Вот жизнь! Драка, а обсудить ее не с кем!

Интересно, мы теперь с Максом можем считаться знакомыми? Или после всего случившегося он не захочет меня больше видеть?

О чем я думаю! Он же ясно сказал, чтобы я уходила, даже провожать не стал.

Но как он дрался... Стоило закрыть глаза, как передо мной вставали картинки прошедшего вечера. Черные фигуры около горки... Макс, идущий через детскую площадку... Разъяренное лицо Синицына... Паника, когда я поняла, что за спиной у меня никого нет. Макс одной левой разбрасывает здоровенных дзюдоистов... Наша пробежка до дома. И рез-

кая смена настроения, словно от вида моей крови его начало тошнить... Может, он занимается боевыми искусствами и дал клятву никогда не вступать в драку? И вот из-за меня ему пришлось нарушить обет...

Я запуталась окончательно. Стянула с батареи быстро высохший платок. Но он не давал мне ответа ни на один вопрос. Только новых добавлял. Почему черный? Почему Макс так отреагировал на вид крови?

Я так и уснула, сжимая платок в руке. И мне снился Макс. Вот он улыбается Маринке и дает ей цветы... Вот внимательно смотрит на меня из темноты мастерской... Вот поворачивается к своей красивой спутнице... Вот он падает передо мной на колени, его трясет...

Утро началось с вопросов.

– Что с тобой?

Мама стояла в прихожей – строгий костюм подчеркивал фигуру, легкий макияж, художественно растрепанные волосы. Как всегда, красива, как всегда, собрана... Но я тут же обо всем забыла, потому что за распахнутой входной дверью на коврике увидела спортивную сумку. Мою спортивную сумку.

– И давно ты стала бросать свои вещи на улице?

– Недавно, – пробормотала я, нерешительно выходя в прихожую.

Сумка была как новенькая, словно ее только что принесли

из магазина. А ведь вчера она и на земле успела повалиться, и ногами по ней пару раз прошлись. Но никаких следов не было. Я бы, наверное, не сильно удивилась, если бы спортивный костюм внутри оказался постиранным и выглаженным.

– Май, у тебя ничего не болит? – проявила заботу мама. – Как твоя рука?

Я нахмурилась. Чтобы понять, болит что-то или нет, надо разобраться, проснулась ли я. Меня до сих пор не покидало ощущение, что я сплю.

Руку неприятно покалывало, но была надежда, что обойдется без воспаления.

– Все прошло, – пробормотала я, копаясь в сумке.

Я ждала записки, чего-нибудь, что могло объяснить странное поведение Макса. Но никаких подсказок мне оставлено не было. Может, на лестнице что-нибудь есть?

Я выглянула на лестничную клетку. Дом жил привычными звуками – шумел лифт, шаркали шаги, этажа на два ниже надрывно кашляли, пахло табаком, скрипела незакрытая рама.

– Поешь как следует. – Мама вышла за мной следом. – И постарайся больше не подходить близко к заборам. – Она повернулась к лифтам, но на секунду замерла. – Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Я помотала головой. Как я могу что-то рассказать, если сама ничего не понимаю...

Подъемный механизм лифта застонал, жалуясь на тяже-

люю жизнь и работу без выходных. Сейчас мама спустится вниз, пройдет мимо двери мастерской...

Сердце мое непроизвольно сжалось.

Как бы мне хотелось оказаться на месте мамы, подойти к мастерской и – уверенно постучать в дверь. Мне откроет Макс, улыбнется, мы вместе выпьем чаю, и он все объяснит. Даже может ничего не объяснять, пусть все остается как есть. Только бы увидеть его, увидеть прежним, чуть отстраненным, с холодным равнодушием в глазах. Да пускай хоть ругается, лишь бы был рядом.

Макс!

Я вцепилась в перила, чтобы не упасть от собственных фантазий.

Хлопнула дверь подъезда – мама вышла. И тут же у меня за спиной щелкнула, закрываясь, дверь на наш этаж. Открытая дверь в квартиру осталась там, за деревянной перегородкой, преодолеть которую без ключа невозможно.

Я машинально подергала дверь, пробормотала: «Сим-сим, откройся!»

Не подействовало.

Стоять на лестничной клетке, где по ногам тянет сквозняком, а сверху на тебя глядит недобрый глаз запертой двери на чердак, было не очень уютно. Звонить по соседям с просьбой открыть? Ага, они откроют – а тут я в пижаме. Нет, лучше смерть под дверью.

По-настоящему удариться в панику я не успела. Дверь

рывком распахнулась, выпуская Валеру, вечно пьяного и небритого жильца соседней квартиры. Он удивленно ози-
рался, бесконечно поддерживал растянутые треники и что-то
бормотал себе под нос.

– Ты чего тут? – хрипло спросил он, недобро глядя на мой
явно не уличный наряд. Хотя не думаю, что с перепоею его
что-то в моем виде удивило.

– Стою, – так же хрипло ответила я и проскочила в свою
квартиру. Но прежде чем закрыть дверь, все-таки выглянула.

Валера тоже не задержался на холодной лестнице. Послед-
ний раз подтянул штаны и побрел домой.

Я не стала задумываться над его странным поведением, о
том, зачем он вообще выходил, а только крепче обняла сум-
ку и отправилась в свою комнату. С сумкой расставаться не
хотелось, ведь она была в руках у НЕГО. Может быть, он да-
же ее мыл. И о чем-то думал. Жаль, что его мысли не отпе-
чатались на боках из искусственной кожи. Ведь почему-то
он ее принес, да? Специально возвращался к месту драки,
искал в темноте, отчистил, поднялся на двенадцатый этаж,
как-то преодолел коридорную дверь... Всего каких-нибудь
пять минут, но он был совсем рядом!

Кстати, а ведь у меня тоже есть, что ему вернуть! Я отбро-
сила сумку и начала искать платок. Он нашелся под подуш-
кой, холодно-черный, из блестящей шелковой ткани. Я рас-
правила его ладонью. Покалываний больше не было. Значит,
мне только показалось, приснилось...

Хватит мечтать! Может быть, я прямо сейчас и увижу Макса! Я провела чуть теплым утюгом по платку и побежала одеваться – свитер, джинсы, кроссовки. Лифт знакомо заворчал, опуская меня с моего поднебесья на землю.

Где бы его оставить? На коврикe? Глупо. Затопчут. Подсунуть под дверь? Позвонить и без лишних слов передать? А если разбужу? А если откроет Леонид Леонидович, и Макс у потом придется объяснять, как его платок оказался у меня? Значит, звонки отменяются.

Минуту я топталась около мастерской, соображая, как быть. Прицепить к торчащему проводу звонка? Ага, а потом меня же обвинят в том, что звонок перестал работать. Прикрепить к ручке двери? Идея! Привязать к ручке и оставить записку с лаконичным «Спасибо!», или «Если бы не ты...», или «Никогда не забуду...».

Глупо, обойдемся без сентиментальности. Хватит и того, что он помнется. Зря гладила.

Я привязала платок к ручке двери, щелкнула по нему пальцем и побежала на улицу.

Во дворе стояла машина «Скорой помощи». От одного ее вида мне стало тревожно. Что еще могло случиться в нашем доме?

Около лавочки топтались старушки. Надо же! За эту неделю я успела от них отвыкнуть. По причитаниям и вздохам стало понятно, что в их сплоченных рядах стало на одну меньше. В голову некстати полезли мысли о воющей собаке

и о кладбище.

– Ох, время-то какое... – качала головой одна. – Тяжкое!

– Тяжкое, тяжкое, – мелко кивала ей в ответ вторая. –

Неделю на улицу выйти не могу. И беспокойно как-то.

Неспокойно...

Неспокойно...

Неспокойно...

Что происходит-то?

Прочь, прочь, скорее прочь! Не хватало дожждаться, когда санитары понесут тело...

Я не свернула на детскую площадку. При свете дня все здесь выглядело не так зловеще. Горка, песочница, погнутая карусель, сломанный палисадничек. Уж не сюда ли улетел один из дзюдоистов, или кто они там, те спортсмены? Натоптано так, словно тут резвилось стадо слонов.

А может, и правда ничего не было?

Рука болезненно запульсировала.

Уговорили, было.

Уроки вот-вот должны были начаться, пришлось пробежаться. В дверях школы я столкнулась с Синицыным. Очень хотелось вложить в свой взгляд побольше ненависти, чтобы пригвоздить этого дурака к стене. Но Петька даже не посмотрел на меня. Равнодушно хмыкнул, поворачиваясь спиной.

– Носишься, как лось! – буркнул он, входя в школу.

А чего я ожидала? Что при нашей встрече ударит молния? Гроыхнет гром? Разверзнутся небеса, и голос свыше при-

гвоздит его позором к земле?

Синицын ленивой походкой прошел к раздевалке. Нет, меня не устраивал такой расклад событий!

— Как поживают твои дружки? — Я сложила руки на груди так, чтобы было видно забинтованное предплечье. — Ни у кого ничего не отбито?

— Какие дружки? — Синицын скинул с крючков пару курток и на освободившееся место повесил свою.

— Ну, хотя бы тот, что в палисадник улетел.

— Ты о чем? — выпрямился Петька, став в полтора раза больше.

— У тебя память отшибло? — Я уже не улыбалась. Синица мог соврать, но он не артист, чтобы притворно изобразить на лице такое удивление. — Синицын, у тебя с головой все в порядке? Ты забыл вчерашнюю драку?

— Какую драку? — Петька стал медленно приближаться ко мне.

А вот этого не надо! Вчера не убили, сегодня завершат.

— На детской площадке. Меня кто-то из твоих дружков ножом порезал.

Синицын мельком глянул на мою забинтованную руку и нехорошо усмехнулся.

— Не гони, Гурьева. Если тебе нужно найти крайнего, то поищи в другом месте. Ни в какой драке я вчера не участвовал.

Петька шевельнул подбородком, словно собирался плю-

нуть, но только окатил меня презрительным взглядом и все так же неторопливо направился к лестнице.

– Подожди! – Я до того удивилась, что даже раздеться забыла. – Как не участвовал? Ты же сам требовал, чтобы я тебе дверь открыла. Говорил, что Максу ноги выдернешь. А потом...

– Опять твои глюки? – Синицын остановился, выглядел он угрожающе. – Заболела? Иди, полечись!

Петька ушел, а я какое-то время постояла на лестнице, соображая, что произошло. Почему он ничего не помнит? Может, его так сильно приложили головой, что отшибли память? Она и так у него была неважная, а тут еще шок от поражения...

В классе Петька на меня старательно не смотрел, гнул голову к парте, безостановочно запуская пятерню в ежик волос. Я медленно огляделась. Все занимались своими делами. И все было до того обыденно, что стало страшно.

– Малинина, а как твои дела? – повернулась я к Стешке.

Классная красавица изучала свое лицо в зеркало. Чмокнула губами, размазывая помаду, последний раз глянула в зеркальце, убедилась, что у нее все отлично, и только потом подняла глаза на меня.

– Здоровье в порядке, спасибо зарядке, – сухо произнесла она и кивнула на мою повязку. – А ты с кем ночью воевала?

– На тренировке поцарапалась, – пробормотала я, все больше сомневаясь, что вчерашний вечер вообще был.

Малинина не могла не знать о драке. Если Петька их застал с Максом, то крику для начала было много. А значит, сегодня она должна как минимум держаться от Синицына подальше. Но Стешка ему улыбалась. В лице ни тени испуга. Значит, ничего не было?

Кровь застучала в висках, колючками отдалась в ране.

– Ты вчера говорила с Максом, – жестко произнесла я, наблюдая за Малининой. Если она начнет врать, я замечу. – И вас видел Синицын. Это его разозлило...

– Макс? – Стешка медленно закрыла крышку зеркала. Щелкнул замочек. – А, ваш красавчик! Он очаровашка. Наверное, говорили. Я уже не помню. – Голос Малининой был полон равнодушия. – А что случилось? Ты решила переключиться на Синицына? Он мой!

Я вернулась на свое место, перебрала выложенные на парту тетрадки.

– Гурьева! – Стешка перегнулась через парту. – Ты спать по ночам не пробовала? Говорят, помогает. Глюки перестанешь ловить. Ты посмотри на себя! Вы же с Маркеловой одного цвета, зеленого.

Я замотала головой. Либо они врут, либо у меня в самом деле что-то с головой. Но так как с головой у меня все в порядке, значит, меня обманывают. Все! Причем очень убедительно.

– Пила бы ты витаминки, Гурьева, – посоветовала сидящая рядом Семенова. – С памятью стало бы лучше.

Весь урок я просидела, опустив лицо в ладони. Голова пылала. Я была близка к помешательству.

– Что у тебя с рукой? – услышала я. Видимо, прозвенел звонок – возле моей парты стояла Лерка, в локоть тыкалась мордочкой любопытная Лариска.

– Поцарапалась на тренировке, – прошептала я, опуская ладони на крысу. Мех у нее был мягкий, в руки мне как будто солнышко ударило, и я стала потихоньку оттаивать.

– Ты уверена? – Маркелова присела на стул, и я с удивлением заметила на запястье ее правой руки широкий кожаный браслет. Раньше она его не носила.

– Ты о чем? – Я отодвинулась в сторону.

– Крови было много?

– Много. – Дальше стены двигаться уже некуда.

– Это хорошо. – Лерка как-то странно улыбнулась. – С кровью уходит жизнь. Но зато приходит что-то новое.

Я выхватила из-под парты сумку и побежала на выход. Кажется, перепуганная Лариска свалилась на пол. Все вокруг скакало, в памяти назойливо всплывали заляпанная кровью куртка, Макс, корчившийся на земле...

Похоже на бред. Я стала рвать на себе повязку, но узел развязываться не спешил, поэтому я раздраженно дернула бинт, не обращая внимания на проснувшуюся боль.

– Гурьева, ты чего? – Наверное, впервые Пашка не улыбался. – А я к тебе. Кеды несу. А то еще сколько времени до тренировки. Стащат.

И он замолчал, уставившись на мою руку.

– Где тебя так? – Глаза его нехорошо сузились.

– Паша...

Я была готова разреветься. И вдруг сама не заметила, как все рассказала. Про Макса, про охоту могучей троицы, про драку и про то, что сегодня никто ничего не помнит.

Звонок прозвенел некстати. Пашка сунул мне в руку растрепанный бинт.

– С тренировки теперь без меня не уходишь, – приказал он и убежал в свой класс.

Подождите! А ведь у меня есть еще один человек, который точно скажет, была драка или нет, – Макс! Если и он скажет, что вечером сидел дома, смотрел телевизор, то я уже и не знаю, что делать. Да, да, мне надо с ним срочно встретиться! Непременно встретиться.

Встречи с пианистом я боялась, но и очень ждала ее.

Глава IV

Чужая охота

Дом снова выглядел непривычно нахохлившимся, насто-
роженным. Маринки в окне видно не было. Значит, она
опять слегла. «Бедная девочка», – машинально подумала я
и тут же о ней забыла.

– Кис, кис, кис! – раздалось сверху. – Мария, ты моего
Барсика не видела?

Черный наглый Барсик достал всех. Суеверных людей в
нашем доме было гораздо больше, чем любителей животных,
поэтому шныряющего под ногами черного зверя только ле-
нивый не помянул недобрым словом, а эмоциональные ба-
бульки не раз обещали его отравить или оставить на улице
в особо сильный мороз. Чье-то проклятие сработало – «пло-
хая примета» исчезла. Вряд ли хозяйка Барсика его теперь
докличется.

– Вот зараза! – высказала общее мнение в адрес черной
бестии хозяйка. – У Люськи тоже кошка пропала, – добавила
она и в сердцах захлопнула балконную дверь.

Кошки, бабушки... Да нет, просто осень. Холодно, все до-
ма сидят.

Дует ветер. Я стою около дома. Около родного дома, став-
шего вдруг чужим. Как и весь город. Как и небо над головой.

И только звезды были знакомые. Они смотрели на меня холодными глазами Макса. Глазами, в которых плавилось серебро.

Вечер давил на плечи, и я уже ни о чем не могла думать. День в школе, потом занятия на курсах прошли как во сне. Вокруг все что-то говорили, но я не понимала ни слова. Мне нужен был Макс. Срочно, сейчас же! Но я не знала, где его найти. А в мастерскую идти не хотелось. Плотные темные шторы на ее низких окнах не пропускали ни света, ни звуков. Я зашла в подъезд. За дверью тоже стояла тишина. Если бы там были люди, через такую тонкую перегородку были бы слышны голоса, работающее радио или телевизор. Человек не может двигаться бесшумно – он задевает стулья, шаркает ногами, в конце концов, что-то произносит.

Я бродила по холлу первого этажа, пока мне не надоело прятаться от входящих и выходящих людей. Тогда я вышла на улицу и поняла, как же здесь холодно. И тревожно. Тревога шла от влажных деревьев, от пахнущей гнилью лавочки, от перепревшей листвы, от трещавшего фонаря, от скрипящей подъездной двери и пищавшего домофона.

Когда дверь открывалась, мне очень хотелось вбежать в желтый уют подъезда, погреть руки о батарею, дать глазам насладиться цветом, которого в осенних сумерках осталось немного.

Но я упрямо сжимала губы и продолжала сидеть на лавочке. Рано или поздно Макс должен вернуться домой. Не но-

чевать же ему на улице? Все нормальные люди вечером приходят домой.

Этими мыслями я себя и утешала, пока от усталости или волнений мне не показалось, что я слышу какую-то песню. Привычные звуки улицы исчезли – не шумел ветер, не шелестела опадающая листва, не скрипели деревья, не тарахтели далекие машины. Только было слышно песню, негромкую, заунывную, как колыбельная.

Я тряхнула головой, понимая, что засыпаю. И увидела собаку. Большую. Черную. Лохматую.

Я подобрала ноги, готовая вскочить. Мне только встречи с бешеной собакой не хватает! Порезали, сейчас еще и кусают.

Собака внимательно следила за мной, словно решая, съесть меня сейчас или оставить на потом. Здоровенная. Если положит лапы на плечи, то будет на голову выше.

Я шевельнулась. Собака зарычала.

– Шла бы ты... – прошептала я, понимая, что это не сон, что собака действительно примеряется отведать, какая я на вкус.

Собака зевнула, демонстрируя белоснежные зубы. Глаза ее блеснули неприятной чернотой. Где-то я уже видела такие же темные глаза...

– Кыш отсюда! – растерянno махнула я перевязанной рукой. И как в дурном сне собака повела носом следом за моим движением. – Чего привязалась?

В горле мгновенно пересохло. Надо было бежать, однако ноги не слушались.

Собака зарычала, а потом громко залаяла. Ей отозвалось еще несколько собачьих голосов. И вот из темноты огромными прыжками вылетели две здоровенные псины.

Собака скакнула в сторону, освобождая мне дорогу к отступлению. Я пулей пронеслась через двор.

За спиной поднялся лай. Черная собака рычала, не давая двум прибежавшим приблизиться. Неужели они сейчас по дерутся?

От волнения пальцы никак не могли набрать номер кода. Я пару раз ошиблась, в отчаянии готовая стукнуть кулаком по упрямым цифрам, выдававшим мне «еггг».

Рядом раздалось жуткое рычание. Я вся похолодела, чувствуя, как мои колени медленно подгибаются.

Черный зверь стоял около меня, я видела вздыбленную шерсть на его спине. Он ожесточенно переругивался с приближающимися псинами.

Это было невозможно. Это было страшно. Черная собака защищала меня от вновь пришедших! Мамочка, кажется, я сейчас грохнусь в обморок...

Псина крутанулась на месте, яростно на меня залаяв. Я подпрыгнула, дернула на себя дверь, от усердия чуть не свалившись на землю.

Подъезд открылся. Я вбежала в знакомую гулкую желтизну холла, двумя руками цепляясь за ручку.

Дверь захлопнулась, отсекая от меня темноту и собак.

– Подождите! – всхлипнула я. – Т-там...

Рядом никого не было. Кто же тогда открыл дверь? Или она открылась сама?

На нетвердых ногах я поднялась на один пролет, припала горячим лбом к оконному стеклу.

Наверное, от всех переживаний у меня что-то случилось со зрением. Того, что я увидела, не могло быть.

На улице на небольшом пяточке между машинами стояли люди. Человек десять. В шахматном порядке. И не шевелились. Их неподвижные темные фигуры казались статуями. И все они смотрели на дом. Вернее на окно, около которого я стояла.

Жуткое зрелище! От одного его вида у меня дико заболела голова. Захотелось поскорее попасть домой, закрыться в своей комнате, закопаться в одеяло и никогда в жизни никуда не ходить. Но была и еще какая-то сила, тянущая меня на улицу, к тем самым людям. Я почему-то была убеждена, что стоят они там из-за меня. Ждут. И я должна выйти к ним.

Пальцы коснулись ледяного металла двери, и я пришла в себя.

Я успела спуститься вниз? Когда?

Запищал, отключаясь, замок. С улицы в приоткрытую дверь дохнуло холодом и тревогой.

– Маша?

От неожиданности я потянула на себя дверь, закрывая ее.

– Максим!

Он стоял на ступеньках. Спускается? Откуда?

– Макс, – мягко поправил он. – Спасибо, что вернула платок. – Пианист коснулся груди, того места, где на его куртке был карман. Видимо, там лежал платок.

– Макс! – одним прыжком я перемахнула несколько ступенек. Хотелось кинуться ему на шею, но он вдруг попятился, возвращая между нами дистанцию в лестничный пролет.

– Как рука? – Макс выглядел настороженным. Казалось, он к чему-то прислушивался.

– Ты давно здесь? Я ждала тебя на улице!

Ничего не понимаю. Почему он идет сверху? Его мастерская на первом этаже!

– Я гулял, – взгляд Макса стал отрешенным. – Не ходи пока на улицу. Не надо. Там сейчас... не очень хорошо. И завтра тоже.

– Собаки! Ты видел? – Я машинально поднялась на несколько ступенек. Хотелось быть ближе к нему, хотелось уничтожить дистанцию между нами.

Я не поняла, как это произошло, но в следующее мгновение Макс уже стоял на другой площадке. Он не подпускал меня к себе близко!

– Я видел... – Макс тревожно оглянулся. – Нет, слышал. Пойдем, я провожу тебя до квартиры.

Он повернулся и стал подниматься.

– Подожди! – Я хваталась за перила, чтобы не свалиться.

От всего произошедшего снова кружилась голова. Я поспешила за ним, но догнать не могла, он все время оказывался впереди.

– Извини, если тебе мое поведение кажется странным. – Макс на секунду остановился, посмотрел себе под ноги и снова пошел вверх. – Мне не хотелось бы тебя напугать.

Он исчез за поворотом лестницы.

– Макс! – Я боялась, что он сейчас совсем пропадет. – Почему Синицын не помнит о вчерашней драке?

– Синицын? – Макс выглянул из-за перил.

Я остановилась. Если и он начнет все отрицать...

– Была драка. – Я стала медленно засучивать рукав куртки. – Меня еще порезали.

Макс кашлянул и снова исчез.

– Конечно! – Голос его звучал глухо, словно он уже добежал до двенадцатого этажа. – Неудачно получилось. Не помнят? Так бывает. Столько времени прошло.

– Сколько? – Я больше не могла идти и села прямо на грязную ступеньку.

– Наверное, они просто испугались. – Макс стоял где-то у меня над головой, но я уже не удивлялась. – Такое бывает. В экстремальных ситуациях человек теряет память.

– Все теряют память? – С каким бы удовольствием я тоже все забыла...

Внизу хлопнула подъездная дверь. Вошедшие люди громко разговаривали, и недовольный голос позвал:

– Макс!

– Не все, но это не страшно. – Он перегнулся через перила, вслушиваясь в быструю речь людей на первом этаже, затем повернулся ко мне. – Я не знал, что ты там появишься. Извини, что немного опоздал...

И он пронесся вниз. На меня дохнуло холодом, словно распахнули дверь в зиму. Шагов его я не слышала, но поняла, что Макс уже на первом этаже.

– Cretin! Qu'est ce que tu gais?⁹ – взлетел возмущенный крик.

В ответ Макс засмеялся. Я вскочила на ноги и побежала вверх. Мне хотелось поскорее оказаться дома и закрыть за собой дверь.

В прихожей я скинула куртку, ботинки и сразу шагнула в комнату, чтобы не встречаться с мамой и не отвечать на ее бесконечные «как дела?» и «что хорошего в школе?».

Шагнула. И застыла на пороге.

В комнате *кто-то* побывал.

Распахнутая штора, открытая форточка, знакомая прохлада. Вроде бы все на месте, но что-то не так. Ощущение было настолько сильное, что я закрыла глаза и принялась. Еле уловимый сладковатый запах. Могло и показаться. В открытое окно от соседей налетают какие угодно запахи.

Я прошла вдоль стеллажа, трогая стоящие на полках вещи, как бы напоминая им, кто здесь хозяин. Все на месте.

⁹ Мерзавец! Что ты творишь? (*фр.*)

Мне только показалось. Что там говорил врач? Осенью могут быть осложнения? Вот они и начались.

Я медленно выложила учебники из сумки. Интересно, что бы сказала про нас с Максом Маркелова? А Малинина? Или молодые люди всегда так странно себя ведут?

Тишина комнаты ударила по ушам, и я поспешно втопила клавишу музыкального центра. Заиграло радио. Я уже протянула руку, чтобы переключить на диск, когда вырвавшиеся вдруг из музыки слова заставили меня остановиться:

Не стой на пути у высоких чувств,
А если ты встал – отойди.
Это сказано в классике,
Это сказано в календарях.
Об этом знает любая собака:
Не плюй против ветра, не стой на пути¹⁰.

Гребенщикова я не очень любила, но эти его слова сейчас удачно легли мне на душу. А когда он сказал про собаку, я вздрогнула, и палец непроизвольно нажал на кнопку, меняющую частоту. Комнату наполнил мощный голос Сьюзи. Он рвал душу, вколачивая гвозди в мозг.

Я больше не могла обо всем этом думать. Я ничего не понимала и до того устала, что уже и не хотела ничего понимать. Впереди были выходные. Наверное, самые унылые выходные, которые когда-либо меня ждали.

¹⁰ Песня группы «Аквариум».

Утром я чувствовала себя разбитой. Погода за окном была под стать моему настроению – серенькая и невзрачная. Тенью проплыла мысль о том, что Макс просил никуда не ходить. Почему? Что страшного могло быть на улице? Или он не хотел, чтобы я видела, как они уезжают?

Я подошла к окну. Двор был пуст. Очень хорошо. Но количество тайн увеличилось.

Хлопнула входная дверь. Мама ушла в спортзал.

– Папка! – упала я рядом с отцом на диван.

– Ничего, ничего, – похлопал он меня по плечу. – Все будет нормально.

С отцом мне всегда хорошо. Выходные он проводил дома, порой полдня ходил в пижаме, завтракал всегда перед телевизором, а днем любил поспать. Я всегда удивлялась, почему мои родители вместе. Они такие разные, такие непохожие! Деловая активная мама и погруженный в себя папа. Но между ними даже ссор не было, и спят они до сих пор вместе, иногда о чем-то полночи шепчутся. Странно. Я свою семейную жизнь представляю по-другому. Вряд ли Максу понравится все выходные смотреть телевизор...

Что за чушь?

Я подскочила как ужаленная. Пожалуй, пора чем-нибудь заняться, а то я дофантазируюсь до черт знает чего!

Всю субботу я честно пыталась не думать ни о чем плохом. Просто ждала воскресенья, когда можно будет поехать

на мою любимую конюшню. Слушала музыку, прибиралась в комнате, читала, писала конспекты для курсов, пыталась разобраться в алгебре, как и раньше, ничего в ней не понимая. Время от времени ловила себя на том, что смотрю в окно, словно на улице появится что-то новое.

Ничего. Все та же хмарь, все те же облака. Но где-то там ходил Макс... Я не могла о нем не думать. Не вспоминать его глаза, его улыбку, его настороженный взгляд. К вечеру стало понятно, что я влюбилась. Влюбилась окончательно и бесповоротно. Мне уже не нужны были объяснения ни его непонятных исчезновений, ни фантастических бойцовских талантов. И даже перчатки на руках меня не удивляли. У каждого человека есть своя тайна.

И еще мне казалось, что я ему тоже небезразлична. Даже если на детской площадке мы столкнулись случайно, то вчера он пришел специально. Пришел предупредить, чтобы я не ходила на улицу. Зачем? Почему? Не важно. Главное, он пришел ко мне!

Звонил Пашка, предлагал пойти погулять. Маркелова звала посмотреть новый фильм – что-то про вампиров. Я всем отказала. Макс велел не выходить, и я буду дома. Может быть, таким образом он намекнул, что зайдет ко мне?

День тянулся бесконечно, но вот и он закончился. Спать не хотелось, но надо было лечь, иначе я всю ночь пробегаю из угла в угол.

Макс, драка, собаки... Я прокручивала в голове одни и

те же доказательства его интереса ко мне и довела себя до того, что убедила в обратном. Если бы я была ему интересна, он бы как-нибудь проявился. Раздобыл бы телефон, любым другим способом дал о себе знать. Но он молчит. Или он звонил, когда я болтала с Леркой?

Спросонья натыкаясь на стены, я в который раз отправилась проверять аппарат. Телефонный гудок был неприятен, от него становилось холодно. Я положила трубку и побрела обратно. Странно, но мне не было страшно, хоть квартира и тонула в темноте. Мне было обидно, что время идет, а я так и не знаю – любят ли меня.

В воскресенье утром я встала с мыслью о том, что много думать вредно. Ничего, кроме больной головы, это не дает. Нет никакой любви, со стороны Макса нет никакого интереса ко мне. Есть просто странный парень. Холодный, отстраненный. И больше ничего. Он так же холоден ко мне, как и ко всем остальным. Со всеми галантен и всех держит на расстоянии. Готов спасти каждого, кто сунется в пасть к дзюдоистам. Мне помог, а Малинину бы бросил? Помог бы тоже. Какая любовь осенью? Больной осенью, в сумрачное время жизни...

А что, если они и правда уехали? Кому понравится драка, вот они и перебрались в другое место. Взяли свое пианино под мышку и ушли. Или привязали к пианино веревочку и покатали его по улице. На ухабах инструмент позвякивал,

выдавая жалобное «до». Или «соль». Какая там из нот самая печальная?

Эта мысль развеселила меня, и на конюшню я приехала в хорошем настроении. Полчаса на электричке, двадцать минут на автобусе, и в любую погоду я здесь.

От дверей конюшни тянет знакомым тяжелым запахом навоза. Лошади фырчат и тянут морды за угощением.

Крайний от двери денник – там стоит Мамай, низенький конек-горбунок с коротко стриженной гривой. Пока его не позовешь, будет демонстративно поворачиваться к тебе задом. В следующем деннике высоченный рысак Ося. Завидев меня, принимается бить передней ногой в дверь, требуя сахара. Он местный любимец, поэтому все угощение в основном достается ему. Командор делает вид, что равнодушен к вошедшему. Косится большим темным глазом. Кажется, вот-вот заснет. Но только до тех пор, пока его не выведут на улицу. Почувяв свежий воздух, он преображается. Начинает весело взбрыкивать, грызет удила, вертится, не дает нормально сесть. Знак отличия на конюшне – свалиться с Командора. Несложный трюк – он обожает хулиганить, ссаживая седока на землю.

Я тоже падала. На моем счету три полета. Специалисты утверждают – чтобы стать профессионалом, надо упасть десять раз. Честно говоря, снова падать не хочется, для моего опыта и трех раз достаточно.

Следующий денник, там рыжий Гриша, терпеливый и по-

слушный. Не любит он только машины. Пока с ним доберешься до леса, намучаешься, снося все его скачки и взбрыкивания при виде железных монстров.

И наконец, Вердер. Высокий белый рысак в серую гречку. Самый быстрый конь на конюшне. И мой любимец. Когда на нем летишь галопом, сердце готово выскочить из груди от восторга – такую скорость он развивает.

Я потянула на себя дверь конюшни, готовая принять знакомые звуки и запахи, но уже с порога поняла: творится что-то неладное.

Все пять лошадей метались по своим загончикам, тревожно вскрикивая и взбрыкивая. Над денниками носились крики девчонок, пытающихся привести коней в нормальное состояние.

– Чего это с ними? – выудила я из денника с Мамаем старшую по конюшне Оксану.

– А кто их знает? – Взгляд Оксаны был уставшим. – Меня ночью сюда вызвали. Сторож позвонил, сказал, что лошади бунт подняли. Командор с Осей через решетку сцепились. У одного спина прокушена, у другого ноги сбиты. У Мамаю царапина на крупе. И у всех вид, будто к ним сюда волки заглянули.

Как сюда мог кто-либо попасть? Тяжелая металлическая дверь, забранные решетками небольшие окна. Только если с чердака... Но кроме мышей, оттуда пробираться некому. А к мышам наши коняшки равнодушны...

Лошади продолжали тревожно ржать. Я посмотрела в перепуганные глаза Мамаю и поежилась. Что могло так напугать лошадей?

– Седлай Вердера и уходи одна. – Оксана с тревогой прислушивалась к продолжавшейся перебранке между Командором и Осей. – Может, хотя бы в лесу он успокоится.

Я прошла мимо беснующихся лошадей и остановилась около крайнего денника. Вердер недовольно покосился на меня и поджал уши. Запор под моей рукой неприятно лязгнул, отчего конь попятился, приседая на задние ноги.

– Ну, ну, – похлопала я по лошадиной шее, – все хорошо. Не бойся.

Мои слова Вердера не успокоили, он стал теснить меня крупом, прижимая к стенке денника.

– Хорош! – Удар получился хлесткий. Вердер замер, приподняв заднюю ногу.

– Справишься? – за решеткой показалось встревоженное лицо Оксаны.

– Справлюсь, – пообещала я сквозь сжатые зубы. Чтобы я да не оседлала лошадь? В жизни такого не было!

Я сняла с крючка недоуздки и пошла к Вердеру. Сначала его надо было почистить.

Сложнее всего оказалось надеть уздечку. Белый великан еще больше задира голову, норовя укусить меня. Я всю руку отбила о его упрямую морду, и когда наконец вывела на улицу, чувствовала себя притомившейся.

– Давай на часик, не больше. А мы тут попробуем порядок навести, – выскочила проводить меня Оксана.

Поначалу Вердер упирался, каждый шаг воспринимая как личный подвиг, но в лесу осмелел, перешел на размашистую рысь, и я довольно заулыбалась.

Ничто не может сравниться с верховой ездой. Шаг коня плавен, копыта бесшумно ступают по опавшей листве. Лес полон сырости и запахов...

Вердер успокоился, перестал жать уши и дергать мордой, вытягивая у меня из рук повод. Биение сердца подстроилось к лошадиному шагу, и я тоже начала успокаиваться.

Все хо-ро-шо, все хо-ро-шо, все хо-ро-шо...

Тропинка пробежит немного вперед, нырнет в ложбинку, вильнет в сторону, и от поворота можно будет пустить Вердера галопом. В конце дорожки лежит дерево, его мы перепрыгнем, не останавливаясь, и спустимся вниз. А около болота надо будет затормозить, рысью пройти чавкающую трясинку, выбраться наверх, попетлять между деревьями, и на просеке конь сам перестроится в летящий галоп.

Мысленно я уже проделала весь маршрут, но что-то мне в нем не нравилось. В душе поскреблось колючкой неудовольствие. Нельзя ничего загадывать на будущее! Когда кажется, что все будет как-то конкретно, обязательно что-нибудь не получается.

Мы выбрались из ложбинки, перед поворотом Вердер собрался, готовый в любую секунду по моему послылу перейти-

ти в звонкий галоп. Шаг его стал напряженным, уши встали торчком. Еще не завершив поворот, он прыгнул вперед.

Серая тень вынырнула из придорожной канавки и с легкостью взяла наш темп. Вердер взбрыкнул всеми четырьмя ногами, дернулся в сторону, заставив меня взлететь над седлом. Не успела я испугаться, как меня мотнуло обратно. Конь пустился по тропинке пружинистым карьером. Ветер бросился в лицо, заставляя закрыть глаза. Гулкий топот копыт болью колотился в висках.

Держаться! Не падать!

Я откинулась назад, повиснув на поводе. Вердер подобрался, еще больше увеличивая скорость. Моих команд он больше не слышал.

– Стой! – заорала я, стараясь докричаться до испуганного животного. Если мы не затормозим до болота, то потом мои останки будут соскребать со всех встречных деревьев.

Вердер истерично заржал, вскинул задними ногами, чуть не выбив меня из седла. Я невольно обернулась.

За нами мчались собаки. Большие, серые, они стелились по земле, распушив хвосты, легко нас догоняя. Треугольные морды, густая шерсть с белыми подпалинами. За секунду я успела заметить все, даже ледяную прорезь звериных глаз.

Что-то в последнее время вокруг меня много собак...

Страх заставил меня упасть на шею коню. Вердер замотал головой, с морды сорвались клочья пены. Если он сейчас споткнется...

– Хей! – заорала я в ошалевшие глаза лошади, впечатывая пятки в бока. Вердера и не надо было подгонять. Полным ходом он нес меня к гибели.

Конюшня... Кто-то напугал лошадей, так что в панике они начали кидаться друг на друга...

Ой, мамочки! Никакие это не собаки!

Черный зверь вырос перед нами, и Вердер взметнулся на дыбы. Меня мотнуло вперед, я больно ударилась грудью о переднюю луку седла. Правая нога выскочила из стремени, и я начала заваливаться на бок.

Конь ржал на одной тонкой пронзительной ноте, совершая невероятные прыжки из стороны в сторону. Он сошел с дорожки и теперь плясал между деревьями, шарахаясь от каждого куста. Я из последних сил цеплялась за седло в надежде удержаться.

Где-то там внизу были волки, и мне не хотелось оказаться у них в пасти.

– Держаться! – рывкнули мне на ухо. – Halt! – раздался гортанный приказ, и Вердер перестал прыгать.

Прямо перед собой я увидела широко распахнутые глаза и напряженное лицо Макса. Двумя руками он держал коня за трензельные кольца и пристально смотрел в глаза ошалевшего животного. Вердер храпел, дергался, собираясь повторить фокус с подъемом на дыбы, но смог только пригнуть голову, подчиняясь сильной руке.

Раздался звук, похожий на выстрел, – порвался стремени-

ной ремень, и я съехала на землю. Конь попытался отпрыгнуть от меня в сторону, но ему не дали это сделать.

– Жива?

Я подхватила выпавшее из путлища¹¹ стремя и быстро оглянулась.

– Где они? – Я вертелась на месте, не в силах сообразить, откуда мы сюда прискакали, откуда ждать опасности. – Ушли, да? Ушли?

– Кто? – Макс развернул Вердера так, чтобы видеть меня. Лицо его было одного цвета с белой шерстью лошади.

– Волки! Ты видел? Они за нами гнались!

Глаза Макса расширились, губы тронула улыбка.

– Не было никого.

Стремя выпало у меня из руки.

– Они были. – Деревья у меня перед глазами поплыли по кругу.

– Здесь кто-нибудь был? – Макс притянул к себе ошалело поводящего глазами коня, и тот замотал головой, стараясь отстраниться. – Он тоже никого не видел.

Чтобы окончательно меня убедить, Макс посмотрел вокруг. Я проследила за его взглядом. Никого. Лес пуст.

Вердер недовольно всхрапнул, попятился. Макс двумя руками закрыл коню глаза, и тот вдруг успокоился, опустил морду.

Перчатки! Он снова был в перчатках!

¹¹ Ремень, на который крепится стремя.

– Как же не видел? Они были! Совсем близко! – не сдавалась я.

Я подобрала стремя, ощутила у себя в руке его холодную тяжесть. Вот только не надо говорить, что мне снова показалось. От моих фантазий лошади еще никогда не пытались втоптать меня в землю.

– Подожди, – подтянула я Вердера за повод к себе. – А ты тут что делаешь?

Макс обвел глазами ближайшие кусты, с улыбкой посмотрел на моего скакуна.

– Хороший конь, – он потрепал Вердера по белой холке. – Ноги только с небольшим дефектом, но для прогулок сойдет. Выездка у него неважная. Трензель закладывает на галопе, да? И нервный. Били, наверное.

– Как ты здесь оказался? – Меня не интересовало его мнение о лошадях.

Макс долгую секунду смотрел на меня. Хотелось зажмуриться, но я упрямо сжала губы и уперлась взглядом в его лицо. Он нахмурился, отвернулся первым, смущенно пробормотал:

– Давай я тебе совру, сказав, что следил за тобой.

– Что?

Он следил за мной? Позвонить по телефону не смог, а прибежать в лес смог? Что-то я запуталась.

– Тогда возьмем другую версию – я гулял.

Не улыбается. Спокоен, серьезен. Время от времени за-

мирает, к чему-то прислушиваясь.

– Где гулял? – выкрикнула я и застыла.

Глаза Макса из темных становились светлыми. И это был не сужающийся зрачок. Они просто светлели. Я несколько раз моргнула, прогоняя наваждение. Посмотрела снова. Все было в порядке. Светлые глаза, легкая улыбка, расслабленное лицо. Макс терпеливо дождался, пока я проморгаюсь, и продолжил:

– Я так понимаю, мы в лесу. Или ты видишь что-то другое? Здесь и гулял.

– Не лес, а зоопарк какой-то, – пробормотала я, за словами пряча смущение. Мне было неудобно, что я на него наорала. Всю субботу ждала встречи, а когда он появился, пусть и при таких странных обстоятельствах, вдруг сорвалась. – Ты не мог не видеть этих зверюг! Они были совсем рядом!

– Я видел тебя. Мне достаточно.

Макс подобрал повод, перекинул на шею коню и повел его к тропинке. Я была благодарна ему за такое внимание – ехать верхом не хотелось, ноги дрожали после сумасшедшего напряжения. Надо было пройти пешком, чтобы успокоиться.

– А ты здорово сидишь в седле. – Вердер послушно шел за Максом, оба они вели себя до того естественно, словно каждый день бегали наперегонки. – Не думал, что так долго продержишься.

Кровь ударила мне в голову. Я дернула повод Вердера на себя. Мои чувства и так были на пределе, а сейчас я что-то

совсем перестала соображать.

– Я, пожалуй, поеду... – Смотреть на Макса было боязно. Что со мной? Что я делаю? Подумаешь, заметил, как я упала. Может, это он хвалит, а не издевается.

– Ты обиделась?

– Нет! Не знаю. Мне надо!

Макс не пытался меня удерживать. Выпустил повод и спокойно наблюдал, как я воюю с конем. Потому что как только Вердер ушел из рук Макса, тут же стал нервничать, затанцевал, приседая на задние ноги. Хотелось остановиться, хотелось ткнуться лбом в грудь Макса и заплакать. Но руки уже действовали независимо от меня. Подобрали повод, проверили седло, вцепились в гриву и заставили меня взгромоздиться на спину лошади.

– Мне правда понравилось, как ты едешь. – Макс сделал несколько шагов следом за мной. – Подожди! Давай, я тебя провожу!

Конь с места пошел галопом. Мое тело возмущенно застыло – все ушибы и натертости тут же дали о себе знать. Но я сжала зубы и устояла на ускользящую дорогу, не позволяя себе обернуться. Потому что Макс наверняка смотрел мне вслед.

Однако, уходя на поворот, я ничего не смогла с собой сделать – и бросила-таки быстрый взгляд назад.

На тропинке никого не было. Никто мне вслед не смотрел.

Глава V

Дар внушения

Перед конюшней я опомнилась и стала вытирать лицо. Еще не хватало появиться перед девчонками в зареванном виде. К тому же я сама себе не могла объяснить, почему плачу.

Вердер всхрипнул, останавливаясь, напрягся, готовый в любую секунду устроить очередной концерт.

А рядом с конюшней стоял Макс, опершись о капот черной иномарки, и с улыбкой наблюдал за нами. Наверное, у меня было очень растерянное лицо, потому что с каждой секундой его улыбка становилась все шире.

– Как... – начала я, не в силах прийти в себя. Не сказать, чтобы мы с Вердером отъехали на очень большое расстояние, но Макс не мог пешком преодолеть его так быстро. – Почему...

Макс оттолкнулся от машины и пошел ко мне.

– Я хотел убедиться, что ты доедешь целой и невредимой.

– Как ты это делаешь? Как ты смог так быстро прийти из леса?

Да что за чертовщина такая вокруг творится!

Макс взял Вердера за повод, похлопал по шее.

– Я бежал. – Кажется, ответ был подготовлен заранее.

Я невольно взглянула на его ноги. Он был обут в хорошо начищенные черные ботинки. В таких по лесу не бегают.

И тут я все поняла.

Он местный! Знает все тайные тропки, по которым можно быстрее лошади добраться до нужного места.

– У вас здесь дача?

– Дача? – Он снова с тревогой глянул вокруг. – Нет. Я пришел... приехал.

Действительно, какая дача, если они только-только переехали!

В конюшне я не стала вдаваться в подробности своей скачки. Девчонкам было не до моих обманов, с лошадьми бы разобраться.

Я быстро расседлала Вердера, растерла ему ноги, переоделась, попрощалась с Оксаной и побежала на улицу.

Макс снова стоял около машины, и я не смогла скрыть довольную улыбку.

– Все хорошо? – пошел он мне навстречу.

Казалось, что шире улыбаться уже некуда, но губы мои растягивались все сильнее.

– Расскажешь, как здесь оказался? – Я упрямо поджала рот.

– А предыдущие версии никак не подходят? – спокойно спросил Макс, как будто для него придумывать разные версии произошедшего обыкновенное занятие. Каждый день только тем и занимается.

– Подходят, если не врешь, – засмузилась я. Может, зря настаиваю?

– Я тебя подвезу?

Вечность барахталась в его светлых глазах. Я стояла не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть.

– Лошадей будет немножко больше, – он сделал приглашающий жест в сторону машины. – Но зато на дыбы не встанут.

В моей голове случилось маленькое землетрясение. Он приехал сюда на машине, чтобы погулять по лесу, спасти меня и отвезти домой? Нет, не так. Он оказался здесь, чтобы... Дальше все повторялось. Зачем он сюда приехал? Если хотел поговорить со мной, то можно было вчера всего-навсего подняться на двенадцатый этаж. Если он не ко мне, то зачем...

Макс заметил мою нерешительность:

– Что-то не так?

– Это у меня что-то не так, – пробормотала я. Может, я сильно ударила голову во время падения? Я опять ничего не понимаю. – Ты приехал сюда, чтобы... что? У тебя здесь знакомые или дела?

– У меня здесь дела... – Было такое ощущение, что Макс мысленно подбирает слова. – И знакомые. – Лицо его вдруг озарила улыбка. – Я сюда приехал со знакомыми. Но они уже ушли. Так что мы можем спокойно поехать домой.

Я облегченно вздохнула. Он сюда приехал с кем-то и в лесу оказался случайно.

– А машина твоя? – Во дворе я такую иномарку не видела.

– Взял напрокат. – Последнее слово он произнес с видимой задержкой.

– Напрокат? – Мы разговаривали на почтительном расстоянии. Я все никак не решалась сделать те несколько шагов, что нас разделяли.

Голос Макса вдруг стал резким:

– Не будем задерживаться! Поехали!

Он распахнул дверь со стороны пассажира, крепкой рукой подхватил меня под локоть и усадил на сиденье. Когда Макс склонился надо мной, я услышала, как он громко дышит, словно борется с внезапно накатившим волнением. Дверь захлопнулась так стремительно, что я вздрогнула. Через мгновение пианист уже сидел на водительском месте.

Кажется, машина еще не успела завестись, как уже с визгом сорвалась с места. Мне стало страшно. Что случилось? Он вдруг вспомнил, что не выключил уют?

От волнения я стала засовывать свою сумку под кресло. Кто я? Что делаю в этой явно дорогой машине?

– Пристегнись, – улыбнулся Макс.

Я пошарила за спиной, чувствуя нарастающую панику: вот сейчас не найду, где находится ремень безопасности, и меня высадят на первом же повороте...

– Чуть выше, – спокойно подсказал он и перегнулся через меня, помогая вытянуть ремень.

Я забыла, как дышать, и, кажется, даже закрыла глаза.

Щелкнул замок.

Все это время машина мчалась вперед. На ямах и рытвинах поселковой дороги Макс и не думал тормозить. Я испуганно вцепилась в кресло, не отрывая глаз от проезжей части, словно без моего внимания мы могли не вписаться в поворот и улететь в кювет.

– Ты всегда так быстро едешь? – Страх поселился где-то в желудке.

– Обычно я езжу быстро. Но сейчас дорога не очень хорошая.

Машина выскочила на трассу и полетела к железнодорожному переезду. Я ахнула, когда мы увернулись от неспешно выруливающего с перекрестка грузовика.

– Не бойся! – Макс расслабленно сидел в кресле, и, казалось, дорога его интересовала меньше всего. – С нами ничего не случится.

Я была не в силах справиться с бешеным сердцебиением.

– Ты так мчишься, будто нам уже заказана палата в больнице.

– Палата подойдет, – заверил меня Макс, перед знаком «только прямо» поворачивая налево на переезд. Полосатый шлагбаум был уже готов опуститься, но мы проскочили под ним. Затрещал тревожный сигнал, предупреждающий о приближении поезда. Взвизгнув шинами, автомобиль съехал с переезда и вильнул вправо.

Звон остался позади, а перед нами появился милицио-

нер. Он махнул полосатой палкой, заставляя водителя остановиться. На лице его была довольная улыбка.

– Ой, мамочки... – ахнула я, непроизвольно сползая в кресле вниз. Еще чуть-чуть, и я бы оказалась там же, где моя сумка, но спокойный взгляд остановил меня.

– Мы задержимся на минуту и поедем дальше. – Макс даже не смотрел в сторону приближающегося милиционера.

Я мелко закивала. Выбора у меня не было, оставалось ждать и бояться.

Макс похлопал себя по бокам.

– Что бы такое... – начал он, доставая из внутреннего кармана куртки шоколадку. – Тебе вез, – пробормотал он, передавая плитку. – Вот, это подойдет.

Перед моими глазами мелькнуло что-то белое. Опустилось стекло. Милиционер невнятно пробормотал приветствие и протянул руку за документами. Я же не могла оторвать взгляда от лица Макса. Он как будто стал старше, в уголках глаз появились морщинки, брови нахмурились.

– Нарушаем, Максим Игоревич, – довольно гудел милиционер, вертя перед собой вдвое сложенный белый лист бумаги. – Куда торопимся? Жизнь не дорога? Спешите ее сократить? – Он поднял голову и посмотрел прямо на меня.

От удивления я открыла рот. На бумажке в руках милиционера не было написано ни слова.

– А-а-а... – обернулась я к Максy. Он ошибся, дал что-то не то! Неужели никто не видит, что лист пустой?

Макс предостерегающе шевельнулся, продолжая внимательно смотреть на постового.

– Мы больше не будем, – произнес он так, словно его застали за воровством конфет из вазочки перед обедом.

– Да уж, постарайтесь, – милиционер протянул «документ» обратно. – И на знаки смотрите внимательней.

– Обязательно, – заверил Макс, продолжая буравить его взглядом.

Гаишник еще какое-то время потоптался на месте, потом отдал честь и пошел к своей машине.

– Испугалась? – Макс откинулся на спинку кресла.

Я же обалдевшим взглядом провожала милиционера. Почему он нас отпустил? По всему выходило, что штрафа не миновать. К тому же Макс без документов. И я сомневаюсь, что машина вообще его.

Когда я повернулась к своему водителю, чтобы обо всем расспросить, то от ужаса чуть не выпрыгнула на улицу. Макс был прежним, молодым парнем с гладкой кожей и веселым взглядом. Взрослого мужчины, каким он только что предстал передо мной, не было и в помине.

Мой испуг был настолько явным, что Макс помрачнел и завел двигатель.

– Как ты это делаешь? – Я боролась с сильнейшим желанием коснуться его лица.

– Обыкновенное внушение, – недовольно пробормотал Макс. – Милиционеры и учителя лучше всего поддаются

гипнозу.

– Ты аферист, да? – Истина оказалась банальной. – Ты обманываешь людей?

Я говорила, а сама не верила своим словам. Нет, нет, этого не может быть. Он слишком хорош, чтобы оказаться простым бандитом.

– Окружающий мир не всегда такой, каким кажется. – Макс не шевелился, не пытался меня удержать. Оно и верно – на скорости, которую он опять развил, выйти было бы проблематично. – Человек сам обманывает себя, даже не надо прикладывать никаких усилий.

– Значит, мне все только кажется? – Я обвела взглядом салон машины. – И милиционер мне тоже показался?

– На тебя никакой гипноз не действует, – буркнул Макс, гораздо внимательней, чем раньше, глядя на дорогу.

Приятно слышать. Но вопрос я все-таки задала:

– А ты уже пробовал?

Может, ничего этого нет? Может, я сижу на конюшне, пью чай и никуда не еду?

– И не буду, – отрезал Макс.

Скрипнули тормоза, машина неожиданно остановилась, я сильно качнулась вперед, но крепкая рука задержала меня за плечо. Всего секунда, и Макс отдернул руку, словно прикосновение его обожгло. Я же почувствовала только, что хватка у него железная. Теперь я понимаю дзюдоистов. Если в бою ты встречаешься с бетонной конструкцией, то лучше всего

бежать и никогда о своем поражении не вспоминать. То-то Сеницын делает вид, что ничего не было.

Наверное, я уже давно улыбалась, но только сейчас это почувствовала, потому что щеки у меня побаливали. Рядом со мной был самый сильный, самый красивый человек на свете. Самый лучший. Полный загадок.

– Маша, ты очень сильная. И я не хочу, чтобы у тебя были проблемы из-за меня.

– Ты о чем?

Машина остановилась около реки. За ней полого к горизонту поднималось бурое поле, заканчивающееся деревьями далекого леса, на макушки которого было нанизано тяжелое небо. Мимо проносились редкие машины. А я продолжала улыбаться, чувствуя себя вознагражденной за все волнения недели. Мы были вместе. Мы были одни. И мне все равно, что он там такое говорил.

Макс с силой сжал руку, которой только что меня касался, в кулак. Затрещала, растягиваясь, кожа перчатки.

– Я, наверное, что-то неправильно говорю. – В мою сторону Макс не поворачивался, смотрел перед собой, сжав губы. – Надо было... Не так... Ты можешь хотя бы в ближайшее время быть осторожней? И... и не ходить туда, где опасно?

– На тренировки?

Вроде бы все слова были понятные, но вместе они не собирались, общий смысл от меня постоянно ускользал.

– Маша, я... сейчас... мне хотелось бы помочь тебе. – Макс с видимым трудом закончил фразу.

Он хочет мне помочь! Боже мой! Да я сама готова ему помочь в чем угодно!

– Не ездь пока на конюшню и не ходи вечером по улице. Я не всегда могу уследить за тобой. – Он раздраженно стукнул кулаком по рулю. – Что я говорю? Ты сама должна чувствовать опасность!

– Что? – У меня перед носом словно пальцами щелкнули. Я оторвала взгляд от горизонта и посмотрела на своего спутника.

– Ты ведь знала, что в лес ехать нельзя. Ты просто еще не умеешь себя слышать.

– Я знала, что прибегут волки и Вердер взбесится?

– Да, – пробормотал он, строго глядя перед собой.

Подождите, подождите, подождите... Я зарылась руками в волосы. Надо было что-то сказать, но в голове все спуталось.

– Давай, я не буду сейчас все объяснять. – Макс явно избегал смотреть на меня. – Я не могу быть с тобой... постоянно. И это не из-за тебя. Поверь, я многое видел, и ты... ты что-то особенное. Только все равно не надо лишний раз подвергать себя опасности.

Я боялась дышать. Сейчас он скажет, что любит. Сейчас... сейчас...

Не сказал. Раздраженно поджал губы, потянулся к ключу, торчащему в замке зажигания.

– Я доведу тебя до дома. – Мотор заурчал, машина нехотя сдвинулась с места. – А ты пока Расскажи, что такого в этой конюшне, раз ты сюда едешь.

И все? Он меня не любит? Готов остановить взбесившегося коня, но не любит?

Слезы бросились мне в глаза, но я зажмурилась, не давая им покатиться по щекам.

Макс как будто не замечал ничего. Машина летела к городу.

– Что в ней такого? – не сказала, выдавила я из себя. Дышать было нечем. Казалось, само тяжелое небо, пройдя сквозь деревья, опустилось мне на плечи.

– Вот уж не думал, что, приехав сюда, я встречу девушку, умеющую держать в руках саблю и отличающую галоп от рыси.

– Подумаешь... ничего сложного... – Я украдкой стерла выступившие слезинки, глубоко вздохнула. В голове поселилась приятная звенящая пустота.

Вот и все. Вот и все. Вот и все!

– Обычно люди интересуются другим – как заработать деньги, как их удачно потратить. Все предсказуемо. А с тобой... – Макс замялся, – с тобой интересно.

Мне снова пришлось дышать, как паровоз. Что мне его комплименты, если все кончено?!

На заднем сиденье машины запищал сотовый телефон, но Макс не обратил на него внимания.

– Я тоже люблю лошадей. – Макс, не отрываясь, смотрел на дорогу. Между нами опустилась ледяная стена. Ее можно было потрогать руками, об нее можно было разбить голову. Но не преодолеть. – Давно не сидел в седле...

– Давно? – как эхо откликнулась я.

– Лет сто! – Губ его коснулась легкая улыбка. – Все некогда.

Это было невыносимо. Я уставилась в окно. Мимо проносились знакомые улицы, до дома было рукой подать.

– Интересный у вас город. – Макс говорил медленно, как будто останавливая сам себя. – И люди необычные. Настороженные, что ли. Никого не впускают в свою жизнь, но с удовольствием интересуются чужой. Любопытны, но нет, чтобы кому-нибудь помочь. Завидуют чужому успеху, но ничего не делают, чтобы самим чего-то добиться... Интересный город.

– Ничего интересного! – Переносицу жгло от скопившихся слез.

– Смотря, с чем сравнивать. – Машина повернула в наш двор. – В прошлом веке все было по-другому.

Взлетели в воздух перепуганные голуби. Журчание мотора смолкло.

– Ну, я пойду, – пробормотала я, с трудом вспоминая, куда засунула сумку.

Макс медленно опустил руки на колени.

– Маша, скажи, зачем ты два дня назад пришла на детскую площадку?

Я уже почти вытащила свою сумку из-под сиденья. Вопрос заставил меня замереть.

– Хотела тебе помочь.

Слезы мгновенно высохли. Все обман, ничего у нас не могло быть!

– Помочь? Мне? – Макс повернулся.

Его холодный взгляд уже не удивлял. Все правильно. Так и должно быть.

Челюсть сводило от напряжения, я держалась из последних сил.

– Я же говорила: Синицын спортсмен, стукнутый на всю голову. Он мог тебя покалечить.

Молчание Макса стало угнетающим.

– Их же было больше! – выкрикнула я, бросая сумку и начиная терзать замок ремня безопасности.

Макс невидящим взглядом смотрел перед собой.

– Я не думала, что ты справишься один. А потом я очень испугалась, когда не увидела тебя рядом.

Замок щелкнул, возвратный механизм втянул ремень в паз, и я наконец выскочила на улицу, услышав вдогонку:

– Тебя могли убить!

Макс появился передо мной – я не слышала, как он открывал дверцу. Мой водитель, мой прекрасный принц, наклонился, заставив мое сердце трепетать. Отцепил сумку и теперь держал ее передо мной.

– Ничего бы со мной не случилось, – прошептала я, вялой

рукой забирая у него сумку.

– Это неправильно.

Его лицо было слишком близко от меня. Я видела его идеальную бледную кожу, бархатный разлет бровей, длинные ресницы, невероятно глубокий зрачок, волнистые темные волосы, чуть приоткрытые губы, за которыми виднелись нереально белые зубы.

И в тот момент у меня случилось мимолетное помутнение. Мне вдруг показалось, что губы вот-вот изогнутся в злую усмешку, а зубы превратятся в звериные клыки. В душе торкнулась знакомая тревога. Нет, уже не тревога, а настоящая паника. Инстинкт самосохранения вопил, что мне надо срочно бежать отсюда. Бросить бесполезную сумку и бежать без оглядки.

Я испуганно прижалась к боку машины, и Макс сразу отошел в сторону.

– Ты же нормальный человек! – воскликнул он. – Как ты могла так поступить? Бросаться в драку, заранее зная, что проиграешь, – это самоубийство!

– Никогда ничего заранее не известно. – Ноги дрогнули, готовые отказать мне, но я заставила их сделать шаг к подъезду. – А ты был один.

– Дай мне слово никогда так больше не поступать. – Его просьба ударила мне в спину. – Дай мне слово не пренебрегать чувством опасности. Дай мне слово не искать встречи со мной.

– Я буду делать то, что захочу! – Ответ дался мне с большим трудом. Горло пересохло. Я умирала.

– Пообещай! – потребовал Макс. – Пообещай никогда не помогать мне. Что бы ты ни чувствовала, какие бы фантазии тебе ни приходили, ты не совершишь ничего подобного!

Я хотела уйти, но он пристально смотрел на меня, требуя немедленно принять решение.

– И больше слушай себя! – В его голосе звенела сталь. – Если тебе страшно, иди домой. Иди, не оглядываясь и нигде не задерживаясь.

Вообще-то мог бы и поблагодарить, все-таки я ему тогда помогла. А он ругается. Ругается, словно я помешала ему в чем-то.

Домой, скорее домой...

– А знаешь, – повернулась я. – Ты тогда тоже больше меня не спасай. Как-нибудь без твоей помощи обойдусь!

Я побежала к двери подъезда. Не оглядываясь. Мне было уже не важно, что там делает Макс.

Ворвалась в свою комнату, даже забыв разуться. Я не понимала, что со мной происходит, не понимала, почему Макс так себя ведет, не понимала, почему он говорит одно, а делает другое.

Хватит о нем думать! Хватит!

Но стоило мне зажмуриться, как я снова видела его глаза, улыбку, лицо. Меня тут же потянуло сбегать вниз, чтобы попросить прощения и сказать, чтобы он никогда-никогда

больше не исчезал. Что я пообещаю все, что угодно, лишь бы он остался. Ведь он был, был рядом, я смотрела на него, слышала его...

Я подтянула к себе сумку, вытряхнула содержимое на пол. Первой выпала шоколадка, упаковка лопнула, коричневые кусочки разлетелись по ковру. Слезы брызнули из глаз. Истерика скрутила, заставила согнуться, упасть на колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.